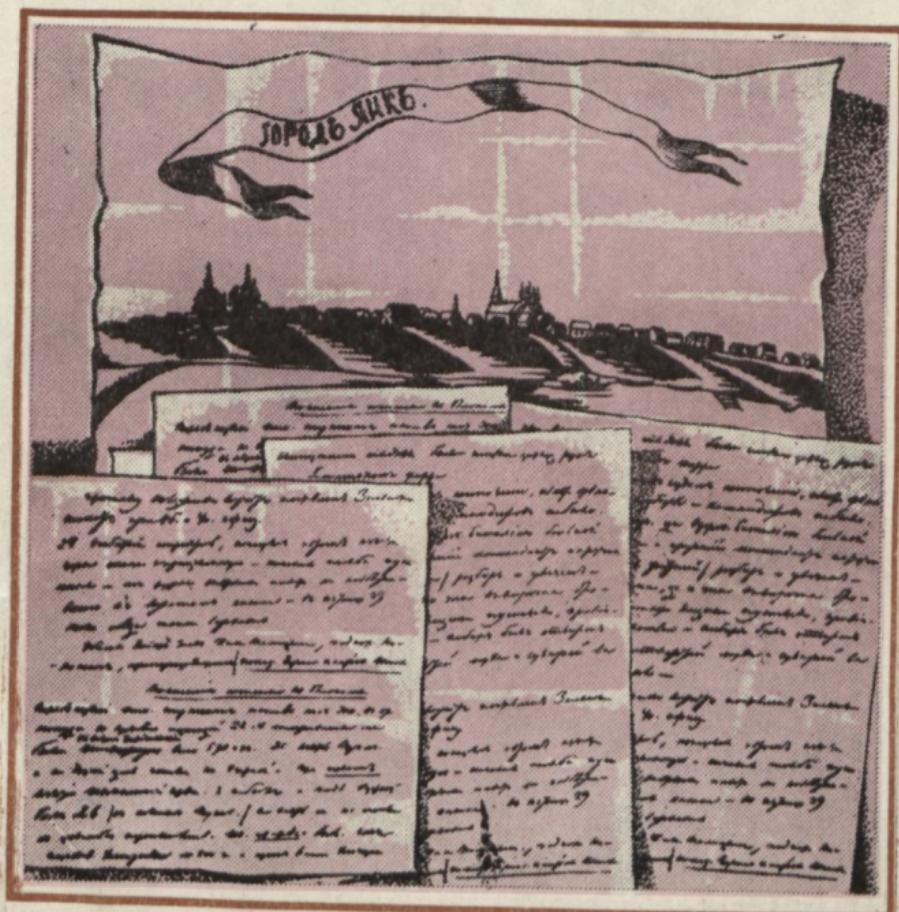

Ор 82
О-35

Р.В. ОВЧИННИКОВ

НАД «ПУГАЧЕВСКИМИ» СТРАНИЦАМИ ПУШКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страницы истории нашей Родины»

Р. В. ОВЧИННИКОВ

НАД «ПУГАЧЕВСКИМИ»
СТРАНИЦАМИ
ПУШКИНА

Второе издание,
исправленное и дополненное

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

МОСКВА
«НАУКА»

1985

Оренбургская областная
библиотека им. И. К. Крупской

Глава I

«В ГРУБЫХ, НО СИЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ...»

Слова, вынесенные в заглавие, взяты из того места главы «Пугачевщина» повести «Капитанская дочка», где Пушкин рассказывает о пугачевском указе, который был отобран у башкира-повстанца, схваченного у стен Белогорской крепости. Комендант крепости, капитан Иван Кузьмич Миронов, созвав офицеров, прочел «воззвание Пугачева, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своем намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не сопротивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей» (VIII, 317).

Передавая содержание пугачевского послания в Белогорскую крепость, Пушкин опирался на подлинные тексты указов предводителя восстания, обнаруженные поэтом среди документов Секретной экспедиции Военной коллегии, которые были получены им в феврале 1833 г. из архива Военного министерства. С большинства указов Пушкин снял копии, сохранившиеся в его «архивных» тетрадях¹. При сопоставлении текстов устанавливается, что сконструированное Пушкиным пугачевское воззвание в Белогорскую крепость имеет некоторое сходство с первыми указами Пугачева, направленными 19 сентября 1773 г. к гарнизону Яицкого городка (так назывался при Пугачеве будущий Уральск) и 20 сентября к атаману, старшинам и казакам Илецкого городка (IX, 684–685, 681). Но все-таки ближе всего «белогорское» воззвание по содержанию и стилю к именному указу Пугачева, посланному 5 ноября 1773 г. в Оренбург, где самозванный «император Петр III», обращаясь к губернатору И. А. Рейнсдорпу, чиновникам губернской канцелярии и «всякого звания людям», призывал их: «Выдите вы из

града вон, вынесите знамена и оружие, приклоните знамена и оружие пред великим государем — и за то великий государь не прогневался, что вы учинили великую пальбу, и в этом великий государь прощает чиновных и солдат и казаков и всякого звания людей, а когда вы не выдите из града вон, да учините вы великую противность, то не будет вам от великого государя прощения; и власти великого создателя нашего избегнуть не может». Никто вас от нашей сильных руки защитить не может» (IX, 686)². Следует упомянуть, кстати, еще об одном совпадении пушкинского повествования с реальной исторической ситуацией: указ 5 ноября 1773 г. был составлен яицким казаком Иваном Яковлевичем Почиталиным, любимцем Пугачева и первым его секретарем, не весьма, правда, твердым в грамоте; и в «Капитанской дочке» пугачевское воззвание в Белогорскую крепость написано было «каким-нибудь полуграмотным казаком».

Документы повстанческого происхождения, и прежде всего воззвания Пугачева, наиболее полно отражающие социальные чаяния и требования восставших, не могли не привлечь внимания Пушкина. Собирая в 1833—1834 гг. материалы для «Истории Пугачева», он внес в свои «архивные» тетради до 20 копий указов Пугачева, предписанний его Военной коллегии и писем пугачевцев³. На страницах своих произведений Пушкин неоднократно упоминал указы Пугачева, отмечая их огромную роль в подъеме народа на восстание. Так, например, рассказывая в главе VIII «Истории Пугачева» о грандиозном размахе повстанческого движения на Правобережье Волги в июле-августе 1774 г., Пушкин прямо связывал это с по-всеместным распространением манифестов Пугачева, которыми он «объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли» (IX, 68—69). По условиям времени и цензуры Пушкин не мог, разумеется, опубликовать собранные им документы повстанческого лагеря; ему удалось напечатать в примечаниях к «Истории Пугачева» лишь один документ подобного рода — послание Военной коллегии Пугачева к оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу (IX, 104).

Обратимся теперь к тем пугачевским документам, которые вызвали наибольший интерес у Пушкина.

«Удивительный образец народного красноречия...»

С середины августа 1773 г. в степных хуторах под Яицким городком втайне вызревал дерзкий политический заговор. Беглый донской казак Емельян Иванович Пугачев, самозванно присвоивший себе титул и имя «императора Петра Третьего», вел с группой единомышленников подготовку вооруженного выступления в защиту стаинных казачьих вольностей и привилегий, попранных правительством Екатерины II и старшинской верхушкой Яицкого казачьего войска. Обсуждая вопросы, связанные с подготовкой выступления, Пугачев и радикально настроенные казаки рассчитывали в перспективе на поддержку крестьянства («черного народа»), участие которого значительно укрепило бы силы восстания, придав ему общую антикрепостническую направленность.

Восстание началось 17 сентября. В тот день, находясь на Толкачевом хуторе, вблизи Бударинского форпоста, Пугачев обнародовал свой первый именной указ, обращенный к яицким казакам.

На другой день, в среду 18 сентября, Пугачев с отрядом из трехсот казаков подошел к Яицкому городку, остановившись в трех верстах от него, за рекой Чаган. Комендант городка подполковник И. Д. Симонов выслал против пугачевцев премьер-майора С. Л. Наумова, в команде которого было до 500 казаков, 270 солдат, с двумя единорогами^а и тремя 3-фунтовыми пушками^б. В авангарде этой команды, как писал Пушкин в «Истории Пугачева», шли «двести казаков при капитане Крылове»^б. Когда они сблизились с отрядом Пугачева, «к ним выехал навстречу казак, держа над головою возмутительное письмо от самозванца. Казаки потребовали, чтоб письмо было им прочтено. Крылов тому противился. Произошел мятеж, и половина отряда тут же передалась на сторону самозванца, и потащила с собою пятьдесят верных казаков, ухватя за узды их лошадей. Видя измену в своем отряде, Наумов возвратился в город» (IX, 16).

Именной указ Пугачева казакам Яицкого войска от 17 сентября 1773 г. (по определениям Пушкина, «возму-

^а Единорог — крупнокалиберная пушка с конической казенной частью (зарядной каморой).

^б Командир 6-й легкой полевой команды капитан Андрей Прохорович Крылов, отец знаменитого баснописца Ивана Андреевича Крылова.

тительное^в письмо и «первое возмутительное воззвание») сохранился до наших дней. Большой лист грубой серой бумаги, неровно обрезанный по краям; текст написан старательной и в то же время неуверенной рукой, человеком, не вполне овладевшим грамотой и не привыкшим еще к систематическому каждодневному письму,— таким увидел этот уникальный документ Пушкин, просматривая бумаги первой книги Секретной экспедиции Военной коллегии⁵. Текст указа гласил:

«Самодержавного императора, нашего великого государя, Петра Федоровича Всеросийского и прочая, и прочая, и прочая.

Во именном моем указе изображено Яицкому войску: как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови, дяды и отцы ваши, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю императору Петру Федоровичу. Когда вы устоити за свое отечество, и не истечет ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей ваших. Будити мною, великим государем, жалованы: казаки и калмыки и татары. И которые мне, государю императорскому величеству Петру Федоровичу, винныя были, и я, государь Петр Федорович, во всех винах прощаю и жаловаю я вас: рякою с вершын и до усъя и землею, и травами, и денежным жалованьем, и свиньцом, и порахам, и хлебным правиянтам.

Я, великий государь император, жалую вас, Петр Федорович.

1773 году сентября 17 числа⁶.

Тотчас же по обнаружении этого указа Пушкин снял с него копию (IX, 680—681). Она сделана явно наспех, карандашом, некоторые слова переданы сокращенно, пятью-тремя начальными буквами, а то и одной. Эта импульсивная стремительность письма свидетельствует о том, что в тот момент Пушкин был в состоянии ажиации, в азарте, хорошо известном каждому исследователю, который, натолкнувшись в архиве на редкостный документ, сразу же спешит воспроизвести его в своей тетради, чтобы потом снова — и не один раз — возвратиться к архивному оригиналу. По цензурным соображениям Пушкин не мог привести текст указа в «Истории Пугачева», ограничившись лишь кратким упоминанием о нем в рассказе о первом приступе Пугачева к Яицкому городку. Но зато в непредназначавшихся для печати «Замеча-

^в Возмутительное, т. е. побуждающее к выступлению, к восстанию.

ниях о бунте», посланных 26 января 1835 г. к Николаю I вместе с экземпляром «Истории Пугачевского бунта», Пушкин смог дать емкую и выразительную характеристику пугачевского указа: «Первое возмутительное воззвание Пугачева к Яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления, или публикации, Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильные, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов» (IX, 371).

Пушкин не получил доступа к протоколам допросов Пугачева и его ближайших соратников, а потому и не мог знать ни обстоятельств происхождения пугачевского указа 17 сентября 1773 г., ни его автора (сам Емельян Иванович был, как известно, неграмотен). Материалы следствия говорят о том, что Пугачев с конца августа 1773 г., с первых встреч на Таловом умете с казаками-единомышленниками, был озабочен подысканием «письменного человека», который сумел бы, руководствуясь его советами, составить воззвание к яицким казакам, оформив его в виде именного указа от «великого государя Петра Федоровича». С этой целью он вместе с хозяином Талового умета Степаном Оболяевым (по прозвищу Еремина Курица) отправился 27 августа в старообрядческий монастырь, находившийся в Мечетной слободе у реки Иргиз, объявив ему, что поездка эта предпринята им потому, что «казаки в середу^г приедут к ним и что-нибудь положут^д, — так вить это надобно написать, а у нас грамотея нет, так я хочу съездить в Верхней монастырь и там взять писаря, — так он покуда и станет всякия дела писать»⁷. Однако поездка в Мечетную слободу, едва не стоившая Пугачеву свободы, окончилась неудачей: «письменного человека» не нашли, а Оболяев был арестован монастырскими старцами.

Две недели спустя Пугачев, укрывавшийся в степном лагере у речки Усихи, отправил своих эмиссаров казаков Козьму Фофанова и Дмитрия Лысова в Яицкий городок, приказав им среди прочих поручений (вербовка новых сторонников, изготовление знамен, приобретение парадной казачьей одежды для «великого государя») прислать к нему «какова ни есть письменного человека», ибо «для

^г Ближайшая среда приходилась на 28 августа 1773 г.

^д Положут, т. е. примут какое-то решение относительно выступления и признания Пугачева «Петром Третьим».

переписывания набело писарь потребен»⁸. В Яицком городке посланцы Пугачева обратились к казаку Якову Филатьевичу Почиталину, чтобы он разыскал и отправил к «царю», «ежели можно, двоих, а нето одного писаря для письма»⁹. Были на примете два таких казака-грамотея, Иван Мирошихин и Иван Герасимов, к которым и пошел Почиталин, но один из них был в отъезде, а другой отказался ехать на Усиху, сославшись на занятость «должностью»¹⁰. Почиталин вернулся ни с чем. Вечером в его дом (служивший местом тайных встреч сторонников Пугачева) пришли Козьма Фофанов, Василий Плотников, Тимофей Мясников; был тут с Яковом Почиталиным и его 19-летний сын Иван. Собравшиеся стали «разсуждать: ково бы послать им из грамотных людей» на Усиху. И тут неожиданно для всех Фофанов, обратившись к Якову Почиталину, сказал: «Да чем-де далеко-то ходить, да еще искать,— вот у тебя Иванушка — свой грамотей, пошилтика ево». Фофанова поддержали Мясников и Плотников: «И впрямь так, чево же де тово лутче. Ну-тка, благословясь, с богом, посытай!» Яков Почиталин высказал сомнение относительно пригодности сына Ивана к должности писаря у «великого государя»: «Как-де ево послать? Он-де человек молодой, небывалой при таких делах. Где-де ему это исправить?» Но казаки возразили на это: «Бот-те-ка, пустяки какия! Как не исправит? Вить на нем взыскивать государь не будет,— знает, что он в таких делах небывалой. А он человек молодой, так лутче понатореет. А за ето-де, сам ты знаешь, он будет человек, и не будет оставлен». В пользу избрания Ивана Почиталина приводился и тот аргумент, что истинная цель его поездки на Усиху не получит огласки в Яицком городке и уж наверняка не будет известна начальству¹¹.

Яков Почиталин согласился наконец с доводами собеседников, решил отпустить сына Ивана к «государю», подумав, «что и вподлинну за ето государь ево не оставит, наградит и зделает человеком». Посылая сына, он дал ему «чистое свое родительское благословение» и велел «верно служить государю и все делать, что ни заставит, учиться добру и привыкать к делам», а притом дал ему «зипун новой зеленої з золотым позументом (который было спиц для оного своего сына), бешмет канаватной подержанной, кушак шелковой хорошей да шапку бархатную чорную, приказывая все оное вручить государю, чтоб он изволил носить оное на здравие», и приказал: «Смотри жа, друг Иванушка, как ты при-

дешь пред государя, так поклонись в землю, встань пред ним на колени, поцелуй руку, и называй его: „Ваше величество“»¹².

Вечером 15 сентября Иван Почиталин вместе с Мясниковым и Плотниковым выехали из Яицкого городка и, переночевав в степи, утром другого дня добрались до речки Усихи. Следуя по ее берегу, они вскоре подъехали к становищу, где у костра возле ветхой палатки, стоявшей под высоким осокорем, увидели Ивана Зарубина — Чику, Василия Коновалова, Идеркея Баймекова и еще трех или четырех знакомых казаков. Приехавших ввели в палатку и представили Пугачеву; об Иване Почиталине сказано было, что он — верный и знающий грамоту человек; а сам он, поклонившись, поднес в дар Пугачеву привезенные с собой казачьи одеяния. Пугачев сказал ему: «Благодарствую, я тебя не оставлю, и будь ты при мне секретарем», — и пояснил: «Пиши, что я велю». Почиталин предупредил: «Я пишу худо». Но Пугачев успокоил его: «Письма будет мало, и человек-де ты молодой, еще выучисся»¹³.

Вскоре после полудня на Усиху примчался верховой казак Степан Кожевников и поднял тревогу вестью о том, что из Яицкого городка выступила розыскная команда, которой велено найти и схватить «государя» и его сторонников. Пугачев тотчас скомандовал: «Казаки на кони!» и, оставив лагерь, бросился со своим отрядом на восток к Яику (так до 1775 г. называлась р. Урал), к хутору братьев Толкачевых. В пути, обратившись к Зарубину и Почиталину, Пугачев сказал: «Што едем мы к Толкачевым собирать народ? Ну, как народ сойдетца, а у нас письменнова ничего нету, штоб могли народу объявить», — и распорядился: «Ну-ка, Почиталин, напиши хорошечко!»¹⁴. Тут же, прямо в степи, отряд стал на привал, а Почиталин, пристроившись на земле, приступил к составлению указа. Никакого предварительного собственного замысла к сочинению такого документа он, конечно, не имел. Ни в чем не мудрствуя, он лишь старательно и — в меру своего умения — связно изложил те идеи, которыми жили мятежные казаки в дни подготовки восстания.

Почиталину хорошо были известны предания о льготах, предоставленных Яицкому казачьему войску прежними царями за службу, в частности предание о грамоте царя Михаила Федоровича, который пожаловал казаков «рекою Яиком с вершины и до устья, и впадающими

в нее реками и протоками, рыбными ловлями и звериною ловлею, а равно и солью беспошлино, а также крестом и бородою»¹⁵. Присутствуя в доме своего отца на беседах казаков-заговорщиков, Иван Почиталин слышал их суждения относительно того, что все они готовы верно служить новоявленному «Петру Третьему», если он восстановит старинные казачьи вольности и привилегии: «Мы до последней капли крови верныя слуги и охотно его принимаем в свое Яицкое войско, лишь только бы он нас не покинул; а мы рады ему, великому государю, служить»¹⁶. Эти и другие известные ему положения и внес Почиталин в текст указа. Содержание его определялось, несомненно, и напутствием Пугачева, сказанным Почиталину. Указ «велел я написать в такой силе,— вспоминал при допросе Пугачев,— что государь Петр Третий принял царство и жалует реками, морями, лесами, крестом и бородою,— ибо сие для яицких казаков было надобно». Написав указ, Почиталин прочел его, и он «понравился больно» как Пугачеву, так и казакам, и «все хвалили и говорили, что Почиталин гораст больно писать»¹⁷.

К полуночи отряд Пугачева добрался до хутора Толкачевых, и туда вскоре собралось до сорока казаков с соседних хуторов и зимовий. Обратившись к ним, Пугачев сказал: «Слушайте, детушки, что будет читать Почиталин, и будьте мне верны и усердны, а я вас буду жаловать». После того как Почиталин прочитал указ, Пугачев спросил казаков: «Хорошо ль? И вы слышали ль?» Все единогласно закричали: «Хорошо, и мы слышали, и служить тебе готовы!» Пугачев вспоминал позднее, что при чтении указа «все люди были тогда в великом молчании и слушали, как он приметить мог, весьма прилежно»¹⁸.

Пушкин с первого взгляда верно понял и оценил силу воздействия пугачевского воззвания на яицких казаков. Внимание к указу 17 сентября — один из примеров глубокого интереса Пушкина к документам повстанческого происхождения и к следственным показаниям пугачевцев — колоритным памятникам, запечатлевшим поэзию народного языка и идейные побуждения восставших. Интересно совпадение оценок указа 17 сентября у Пугачева (ему указ «понравился больно») и у Пушкина (он определил этот указ как «удивительный образец народного красноречия»).

Обнародование указа в форпостах и казачьих селениях по Яику дало возможность Пугачеву в течение двух дней

17–18 сентября собрать под свои знамена до 300 казаков, с которыми он смело пошел на приступ к Яицкому городку. К выступившей оттуда против пугачевцев воинской команде Пугачев послал со своим указом казака Петра Быкова. Подъехав к авангарду команды, Быков передал указ казачьему старшине Ивану Акутину со словами: «Вот-де вам указ от государя, прочтите всему миру»¹⁹. Но Акутин ответил: «У нас есть государыня, которой мы служим; а государь Петр Третий скончался, и на свете ево нет», — и, несмотря на требования казаков, не стал читать указ, а передал его капитану Крылову²⁰. Стоявший поблизости Яков Почиталин запомнил, что Крылов, прочитавши указ про себя и пряча его в карман, крикнул казакам: «Пропали вы, войско Яицкое!»²¹.

Установлена и последующая судьба первого пугачевского указа. Комендант Яицкого городка И. Д. Симонов отправил указ в Оренбург губернатору И. А. Рейндорпу, а тот переслал его 7 октября 1773 г. в Петербург²², где он со временем Екатерины II находился в полном забвении наряду со всеми делами о «внутреннем возмущении, происшедшем от донского казака Емельки Пугачева», преданными «вечному забвению и глубокому молчанию»²³. Шестьдесят лет спустя, просматривая архивные бумаги Секретной экспедиции Военной коллегии, Пушкин обнаружил этот уникальный документ первых дней Крестьянской войны, вышедший из ставки Пугачева, упомянул о нем в своей книге, а в «Замечаниях о бунте» по достоинству оценил его выдающееся значение в зарождении повстанческого движения.

В продолжение шести с половиной месяцев, с первых дней восстания до битвы у Сакмарского городка (1.IV.1774), Иван Почиталин был секретарем при Пугачеве, исполнял он эту должность и после того, как был назначен думным дьяком в Государственную военную коллегию восставших, учрежденную в ноябре 1773 г. в Бердской слободе под Оренбургом. Перу Почиталина принадлежат первое воззвание Пугачева и 11 последующих его именных указов и манифестов²⁴, он участвовал в составлении и подписал до полутора десятков распоряжений Военной коллегии²⁵. И речь здесь идет лишь о сохранившихся текстах посланий Пугачева и указов его Военной коллегии²⁶; а Почиталин, как известно по свидетельствам источников, участвовал в составлении многих других документов повстанческого центра, которые не дошли до нас, будучи утрачены и в дни восстания,

и в последующие годы²⁷. Почиталин безотлучно находился при Пугачеве в походах к Оренбургу, под Верхне-Озерную крепость и к Бузулуку, при взятии приияцких крепостей, в битвах под Оренбургом, под Татищевой крепостью и у Сакмарского городка. Во время одной из поездок с Пугачевым в Яицкий городок Почиталин женился на дочери казака Семена Головачева. Расходы по свадьбе взял на себя Пугачев, он же исполнял роль посаженного отца у жениха. А когда сам Емельян Иванович вздумал жениться на 17-летней казачке Устинье Кузнецовой, то сватами к ее отцу послал Ивана Почиталина с Михаилом и Аксиньей Толкачевыми. На этой свадьбе, состоявшейся 1 февраля 1774 г. в Яицком городке, Почиталин был в числе почетных гостей со стороны жениха — «больших бояр».

В ближайшем окружении Пугачева было немало преданных ему людей, прошедших с ним до последней черты, до эшафота на Болотной площади. И даже из среды этих испытанных в верности соратников Пугачев особенно выделил юного Почиталина, одарив его истинно братской любовью, и, подчеркивая это, ласково звал его «Иванушка» или «Ванюшка». Сам Почиталин рассказывал на следствии, что Пугачев «любил меня потому, что [я был] из первых, сначала вступивших в его службу, и писал ему о вступлении на царство манифест»²⁸. Но, кроме того, были и другие причины, определявшие характер отношения Пугачева к молодому казаку, — прежде всего незыблемая верность Почиталина. Она выдержала испытание в крайне драматичной ситуации для Пугачева, в момент смертельной для него опасности; ее удалось устраниТЬ благодаря Почиталину, который решительно отвел роковой удар. Событие это имело место в конце февраля 1774 г. Пугачев вместе с Иваном Почиталиным и полковником Дмитрием Лысовым возвращался из Каргала в Бердскую слободу. В пути Пугачев стал укорять Лысова, что команда его безобразно своеизвольничает, разоряет не только помещичьи имения, но и крестьянские пожитки, сопротивляющихся тому крестьян избивает и даже убивает, а на самого Лысова поступают жалобы от многих казаков «в побоях безвинно»²⁹. Найдившийся в крепком подпитии Лысов, разгорячившись, неожиданно вскинул копье и стальным острием его с силой удариЛ в бок Пугачева. Надетый под шубу панцирь спас его от тяжелой раны. Лысов снова занес было

копье, но Почиталин, бросившись на Лысова, оттолкнул его, сшиб с лошади, не дал нанести нового удара³⁰.

Начало весны 1774 г.—время тяжелых военных неудач Пугачева. В битве 22 марта у Татищевой крепости его войско потерпело поражение от карательного корпуса генерала П. М. Голицына. 24 марта подполковник И. И. Михельсон разбил отряды атамана Ивана Зарубина под Уфой. Неделю спустя, 1 апреля, Пугачев снова вступил в сражение с войсками Голицына под Сакмарским городком и вновь потерпел сокрушительный разгром. Здесь в суматохе беспорядочного отступления Почиталин потерял своего коня и потому не смог догнать Пугачева; Иван укрылся в казачьем дворе, но на другой день был разыскан и арестован гусарами³¹. Пугачев, оторвавшись от погони, добрался с несколькими сотнями конных повстанцев до села Ташлы (в сотне верст от Сакмарского городка) и, остановившись здесь, вспоминал проигранную битву, сокрушаясь о потерянном войске и горюя о своих любимцах Иване Почиталине, Максиме Шигаеве, Андрее Витошнове и Максиме Горшкове, оставшихся в Сакмаре³². А тем временем Почиталина вместе с другими арестованными доставили в Оренбург и заключили в тюремный острог. Месяц спустя в Оренбург прибыла секретная следственная комиссия и с 8 мая приступила к допросам пленных пугачевцев. Одним из первых допрашивали Почиталина, который дал пространные показания о службе у Пугачева³³. Один из следователей секретной комиссии, гвардии капитан-поручик С. И. Маврин, допрашивавший Почиталина, оставил о нем такую характеристику: «Любимец Пугачева. Упражнялся хотя в глупых пасквилях, но считал за царя Пугачева от чистого сердца, и всюду следовал за ним. В убийстве людей не примечен^е и имеет раскаяние, хотя и поздно. От роду ему с небольшим 20 лет»³⁴.

В ноябре 1774 г. Почиталина с группой других заключенных привезли в Москву, где в Тайной экспедиции Сената началось главное дознание по делу Пугачева и его сподвижников. Месяц спустя открылся судебный процесс. 10 января 1775 г. Сенат обнародовал приговор, предварительно согласованный с Екатериной II. В отношении Ивана Почиталина и семерых его товарищей (Максим Горшков, Илья Ульянов, Василий Плотников, Денис Караваев, Григорий Закладнов, Канзафар Усаев,

^е Не примечен, т. е. не уличен, не повинен.

Астафий Долгополов) приговор гласил: «Высечь кнутом и, вырвав ноздри, сослать на каторгу», а пятым последним еще и «поставить знаки» — выжечь на лице каторжные клейма (IX, 189–190). Местом каторги был назначен Балтийский порт (Рогервик)³⁵, о чём тогда же и сообщено сенатским указом генерал-губернатору Ревельской губернии фельдмаршалу П.-А. Гольштейн-Бекскому³⁵. 10 января всех осужденных вывели на Болотную площадь, и тут Почиталин впервые после долгой разлуки и в последний уже раз увидел Пугачева и с ним Афанасия Перфильева, Максима Шигаева, Тимофея Падурова и Василия Торнова, которых палач готовил к смертной казни³. Вслед за их казнью палачи приступили к истязанию осужденных к каторжным работам. По окончании экзекуции их сразу же отправили из Москвы. Начальнику конвойной команды поручику А. Максутову было приказано везти колодников самым спешным порядком, не задерживаясь без крайней необходимости в пути, по маршруту Москва — Тверь — Новгород и, обходя Петербург стороной, через Нарву направиться в Ревель. К смотрителям почтовых станций по Петербургскому тракту были направлены ордера, предписывающие предоставлять поручику Максутову, следующему на 20 подводах с арестантами и конвойной командой, по первому его требованию, без каких-либо отговорок по 22 лопади на каждой станции³⁶.

Чрезвычайная спешность перевозки колодников была продиктована особой причиной: в те дни Екатерина II собиралась к отъезду со своим двором в Москву, а потому случайная дорожная встреча императрицы с партией каторжан-пугачевцев представлялась крайне нежелательной. Этого удалось избежнуть. 28 января Максутов доставил колодников в Ревель и сдал губернской канцелярии³⁷. Здесь их отправку к месту каторги задержали на два дня, что было связано со смертью и похоронами Закладнова и Плотникова³⁸. Наконец, 31 января колодников привезли в Балтийский порт и поместили в каторжный каземат. Позднее, но в том же 1775 г. туда пригнали еще трех осужденных к каторжным работам пугачевцев: Емельяна Тюленева (2 июля), Салавата Юлаева и Юлай Азналина (19 ноября)³⁹. Первое время

³⁵ Ныне город Палдиски в Эстонии.

³⁶ К смертной казни был приговорен и Иван Зарубин, но его казнили позднее, 24 января 1775 г., в Уфе.

каторжан использовали на строительных работах в морской гавани: они ломали на берегу камень-плитняк, отвозили его в гавань и укладывали на мол, но вскоре работа эта была оставлена из-за полной бесполезности, ибо в штормовую погоду море до основания размывало мол.

Прошло более 20 лет, 19 мая 1797 г. комендант Балтийского порта полковник Г. Экбаум составил список «каторжным невольникам», среди которых значатся шесть бывших пугачевцев: Иван Почиталин, Салават Юлаев, Канзафар Усаев, Юлай Азналип, Емельян Тюленев и Астафий Долгополов, из них только первые трое признаны, по медицинскому освидетельствованию, здоровыми, а остальные дряхлы и больны⁴⁰. Минуло еще пять с половиной лет, 16 декабря 1802 г. был составлен новый список каторжных, содержавшихся в Балтийском порту, где упомянут лишь один пугачевец — Канзафар Усаев⁴¹. Следовательно, на основании обоих списков можно утверждать, что Иван Почиталин и четверо других пугачевцев скончались в Балтийском порту между маем 1797 — декабрем 1802 г.⁴²

Иван Яковлевич Почиталин занимает видное место на страницах истории Крестьянской войны как ближайший сподвижник Пугачева, автор первого именного указа,озвестившего начало восстания,— документа, который был высоко оценен Пушкиным как «удивительный образец народного красноречия» (IX, 371).

«Немецкие указы Пугачева писаны рукою Шванвича»

В августе 1832 — январе 1833 г. Пушкин внес в рабочие тетради планы повести о дворянине-пугачевце Шванвиче (VIII, 929, 930). Планы эти отражали начальную стадию развития замысла «Капитанской дочки»⁴³. В то время Пушкину было известно единственное имевшееся в печати сообщение о Шванвиче: приговор Сената по делу Пугачева и его сподвижников под названием «Сентенция, 1775 года января 10.— О наказании смертной казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников», опубликованная в 20-м томе «Полного собрания законов Российской империи»⁴⁴; полный комплект этого издания (45 томов) был получен Пушкиным от Николая I при письме шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа от 17 февраля 1832 г. (XV, 12). Восьмой пункт приговора, определивший меру наказания офицерам, слу-

жившим у Пугачева, открывался словами: «Подпоручика Михаила Швановича, за учиненное им преступление, что он, будучи в толпе злодейской, забыв долг присяги, слепо повиновался самозванцовым приказам, предпочитая гнусную жизнь честной смерти, лишив чинов и дворянства, ошельмовать, переломя над ним шпагу» (IX, 190). Это судебное определение обходит молчанием конкретные действия Шванвича в стане Пугачева. Но Пушкину, пытливо собиравшему сведения о Шванвиче — предполагавшемся герое «Капитанской дочки», удалось установить один из важнейших фактов его биографии. Встретившись в начале августа 1833 г. в Петербурге с Н. Свечиным⁴⁵ и слушая рассказы о Михаиле Шванвиче и его отце Александре Мартыновиче, Пушкин со слов рассказчика записал: «Немецкие указы Пугачева писаны были рукою Шванвича» (IX, 498).

Это свидетельство не могло не напомнить Пушкину о том, что сам он, изучая бумаги четвертой книги Секретной экспедиции Военной коллегии (полученной из архива Военного министерства 29 марта 1833 г.)⁴⁶, прочел и законспектировал запись журнала Оренбургской губернской канцелярии («Журнал Рейнсдорпа») относительно немецкого указа и двух других документов, подброшенных пугачевцами в сражении 20 декабря 1773 г. к стенам Оренбурга (IX, 527). В записи сообщалось: «При сем сражении и при переговорке здешних легких войск передано от злодея три соблазнительные листа, из коих первой на российском, другой на немецком диалекте, а третей, видно, самим им, вором Пугачевым, для уверения находившихся в толпе его, намаранной и не изъявляющей никаких литер», которые «в оригиналe под № 2-м при сем приобщаются»⁴⁷. И действительно, за последней страницей журнала следуют приложенные к нему: указ Пугачева Рейнсдорпу от 17 декабря 1773 г.⁴⁸, указ аналогичного содержания на немецком языке⁴⁹, «автограф» Пугачева — лист с рукописными упражнениями неграмотного Емельяна Ивановича⁵⁰. Пушкин не мог пройти мимо трех подлинных документов из стана Пугачева. С указа 17 декабря он снял для себя копию (IX, 687—688); заключительную часть «автографа» Пугачева, три последние строки, воспроизвел среди иллюстраций к «Истории Пугачева», снабдив надписью «Снимок с начертаний, сделанных рукою безграмотного Пугачева» (IX, 3-я иллюстрация после с. 154). «Немецкий» указ представлял для Пушкина наибольший интерес потому,

что он свидетельствовал о нахождении в стане Пугачева высокообразованного человека, свободно владевшего немецким языком. Такого человека Пугачев не мог найти ни среди яицких казаков, ни среди заводских крестьян, из которых вышли виднейшие вожаки восстания. Составителем «немецкого» указа, вероятнее всего, был дворянин,вольно или невольно оказавшийся в лагере повстанцев. Несколько месяцев спустя после того, как Пушкин обнаружил «немецкий» указ, он из рассказа Н. Свечина узнал, что его составителем был Михаил Александрович Шванвич.

Указ написан уверенной рукой человека, свободно владевшего немецким языком и графикой старонемецкого готического письма; вот текст этого указа в переводе на русский язык:

«Нашему губернатору Рейнсдорпу.

Каждый наш верноподданный знает, каким образом злобные люди и недоброжелатели лишили нас по всем правам принадлежащего нам всероссийского престола. Но ныне всемогущий бог своими праведными помыслами и, услышав сердечные к нему молитвы, снова преклоняет к нашему престолу наших верноподданных, а злодеев, исполненных недоброжелательства, повергает к нашим монаршим ногам. Однако и ныне есть такие люди, которые, не желая признавать нас, не хотят выйти из мрака недоброжелательства и сопротивляются нашей высокой власти, и при том стремятся, как и прежде, ниспровергнуть наше блестательное имя, и наших подданных, верных сынов отечества, хотят сделать сиротами. Однако мы, по природной нашей склонности и любви к тем верноподданным, которые ныне, оставя заблуждение и злобу, будут чистосердечно и верноподданнически служить нашей высокой власти, будем милостиво отмечать и жаловать отеческой вольностью. А если кто не пожелает нас признавать и впредь будет оставаться в прежнем недоброжелательстве и озлоблении, то таковые отступники, по данной нам от создателя высокой власти и силе, испытают на себе наш справедливый и неизбежный гнев. Обо всем этом и сообщается от нас во всеобщее сведение, дабы важность этого осознал каждый наш верноподданный. Декабрь 1773 года⁵¹.

Следственные показания Пугачева, его секретарей Максима Горшкова и Ивана Почиталина, а также и самого Шванвича дают возможность установить обстоятельства составления «немецкого» указа и посылки его

в осажденный Оренбург. Пугачев рассказывал на следствии, что однажды он призвал к себе пленного офицера Шванвича и «приказал ему написать на немецком языке указ к оренбургскому губернатору в такой силе, чтоб он здался мне без сопротивления и не морил бы людей в городе голодом. А Шванович, написав такой указ, принес ко мне, которой я, приняв от него, не смотря, отдал Почиталину, и велел запечатать и послать к губернатору»⁵². Более подробно освещен этот эпизод в показаниях Горшкова. Он вспоминал, что Пугачев, «призвав однажды меня к себе, говорил: „Я-де приказывал прислать к тебе атамана Швановича (офицер 2-го гранадерского полку). Как-де скоро он к тебе придет, так ты заставь его перевести последней мой указ, которой ты с Почиталиным писал“, и принеси перевод ко мне». А вскоре после того пришел ко мне в коллегию и оной Шванович, которому я, пересказав самозванцовы слова, дал тот указ. И Шванович переводил оной сперва начерно, а потом и набело переписал, которой я потом отнес к самозванцу. А самозванец отоспал оной, как я после о том слышал, к оренбургскому господину губернатору. Черной же швановичев перевод куда девался,— я не знаю, и никогда не видывал»⁵³. Так же примерно запомнилось это событие и Швановичу: к нему был прислан от Пугачева казак и велел идти в Военную коллегию, «а как пришел, то секретарь... Горшков сказал: „До тебя-де есть дело“, и вынув указ тот, в котором в заглавии написано „Небезызвестно есть каждому“, говорил: „Батюшка-государь Петр Федорович велел тебе перевесть оной указ на немецкой язык“, которой я и перевел»⁵⁴. Краткие упоминания о «немецком» указе имеются в протоколах допросов Почиталина⁵⁵ и члена повстанческой Военной коллегии Максима Шигаева⁵⁶. Шванович написал беловик указа 19 декабря, накануне отправления его в Оренбург вместе с двумя другими пугачевскими посланиями («автограф» Пугачева и его указ от 17 декабря). Показания Пугачева сообщают любопытные подробности передачи «немецкого» указа в осажденный город. Операция эта была поручена казаку-повстанцу Ивану Соловьеву, который, «взяв письмо, повез и потом, возвратясь назад, сказал ему [Пугачеву], что письмо подвесши к городу и привязав к палке, воткнув в снег, поехал. А как отъехал, то видел

⁵² Речь идет об указе Пугачева от 17 декабря 1773 г.

он, что высланной из города казак то письмо взял и по-
сакал в город»⁵⁷.

Рейнсдорп, получив три пугачевских послания, отправил их 24 декабря 1773 г. в Петербург в Военную коллегию⁵⁸. Полученные из Оренбурга бумаги президент коллегии фельдмаршал З. Г. Чернышев доложил Екатерине II. Появление из лагеря пугачевцев документа на немецком языке всерьез обеспокоило императрицу. Она и раньше склонна была считать, что восстание на юго-востоке империи было будто бы инспирировано либо зарубежной агентурой, либо оппозиционными деятелями из высшего дворянства. Несомненно, что «немецкий» указ Пугачева еще более усилил ошибочные представления Екатерины II относительно истинных причин восстания и его инициаторов. Именно поэтому императрица была крайне заинтересована в установлении личности человека, писавшего для Пугачева указ на немецком языке.

В наказе чиновникам секретной комиссии, отправленным в конце апреля 1774 г. для производства следствия над пугачевцами, захваченными в плен под Оренбургом, Екатерина II предписала: «Старайтесь узнать: кто сочинитель немецкого письма, от злодеев в Оренбург присланного, и нет ли между ними чужестранцев, и не смотря ни на каких лиц, уведомите меня о истине»⁵⁹. Прибыв в начале мая в Оренбург, секретная комиссия сосредоточила главное внимание на расследовании дел ближайших сподвижников Пугачева. На первом заседании комиссии, 8 мая 1774 г., были допрошены Горшков, Почиталин и Шигаев, которые — независимо друг от друга — показали, что «немецкий» указ Пугачева был написан Швановичем⁶⁰. 17 мая комиссией был допрошен и сам Шванович, подробно осветивший историю своего пребывания в лагере Пугачева, признавшийся в составлении «немецкого» указа и заявивший в конце своих показаний, что «в разсуждении так нещастного казусу, последовавшего со мною, пропшу у милосердой государыни помилования»⁶¹. 21 мая секретная комиссия направила Екатерине II свой доклад о результатах дознания над видными пугачевцами, особо отметив там: «...что касается до немецкого письма от злодея к оренбургскому господину губернатору писанного, то сие писал 2-го grenадерского полку подпоручик Шванович, бывший в то время в полону и атаманом над захваченными в толпу злодейскую grenадерами, которого допрос в копии под литерою „Н“ у сего подносится», и что «Пугачев не имеет, кажет-

ся, постороннего, а наче чужестранного руководства и споспешствования»⁶². Эти известия до какой-то степени успокоили, видимо, Екатерину II, и она широко использовала их в переписке со своими зарубежными корреспондентами. В письме к Вольтеру, характеризуя Пугачева, Екатерина II отмечала: «Он не умеет ни читать, ни писать, но это человек чрезвычайно смелый и решительный. До сих пор нет ни малейшего признака, чтобы он был орудием какой-либо иностранной державы или стороннего замысла, ни чтобы он следовал чьим-либо внушеням. И надо полагать, что господин Пугачев — разбойник-хозяин, а не слуга»⁶³.

Важнейшими источниками для биографии Михаила Шванвича являются протокол его показаний на допросе в Оренбургской секретной комиссии⁶⁴, а также его послужной список, недавно обнаруженный в ЦГВИА⁶⁵. Согласно последнему Михаил Шванвич родился в 1749 г. в мелкопоместной военно-служилой дворянской семье; отец его Александр Мартынович Шванвич имел во владении 36 крепостных мужского пола; Михаил Шванвич вступил в службу в 1765 г. капралом в Ингерманландский полк, зная к тому времени «грамоте писать по росийски, по-французски и по-немецки; также часть арифметики, танцовывать, фихтовать и на манеже ездить». Из протокола допроса Шванвича видно, что он был крестником императрицы Елизаветы Петровны⁶⁶. Находясь в рядах 1-й армии, Шванвич участвовал в войне с Турцией, в кампании 1771 г. был в боях у Негошты и Журжи, при взятии Бухареста⁶⁷; некоторое время служил ординарцем у генерала Г. А. Потемкина. Осенью 1772 г. Шванвич был переведен на службу в Петербург прaporщиком 2-го grenадерского полка; 28 июня 1773 г. он был произведен в подпоручики, а 10 сентября того же года послан с командой поручика А. Карташева в Симбирск для приема рекрутов и привода их в Петербург⁶⁸. Находясь в пути, команда эта в конце октября была включена в состав корпуса карательных войск генерала В. А. Кара, направленного к Оренбургу против Пугачева. Следя в авангарде корпуса Кара, команда Карташева 6 ноября 1773 г. была внезапно окружена и атакована повстанцами у деревни Юзеевой, в 100 верстах от Оренбурга. Большая часть солдат и Шванвич с тремя офицерами оказались в плену⁶⁹, и их вскоре пригнали

⁶² Командование долго не знало о судьбе Шванвича и, судя по его послужному списку от 3 марта 1774 г., все еще полагало его

в Бердскую слободу. Здесь Шванвича, как и других офицеров, ждала смертная казнь, но пленные солдаты заступились за него перед Пугачевым, заявив, что молодой офицер был добр и ласков к ним и они все просят сохранить ему жизнь. Приметив любовь и уважение солдат к Шванвичу, Пугачев не только простили его, но и окончил ему большую честь, назначив его вскоре есаулом полка пленных солдат, а потом и определив в свою Военную коллегию в качестве секретаря⁶⁹. А произошло это, судя по показаниям Пугачева, следующим образом: однажды он встретил Шванвича и «зжался по нем и, видя, что на нем кафтан худ, дал ему шубу и шапку, а потом спросил ево: „Умеешь ли ты по-немецки?“ Шванович сказал: „Умею“. Тогда Пугачев, вручив ему „бумаги лоскун“, велел написать по-немецки». Шванвич написал и показал Пугачеву, а он, „взяв бумагу, хотя и ничего не смыслит, одножд да знатъ, что он бутто читал, и потом сказал: „Хорошо пишешь. Так будь же ты в Военной моей коллегии. Как там што по иностранных случиться писать, ты пиши“⁷⁰.

Это «испытание в грамоте» запомнилось и Шванвичу, он показал на следствии, что однажды «призвал меня Пугачев к себе и говорил: „Я-де слышал, что ты умеешь говорить на иностранных языках“». На то я сказал: „Умею, надёжа-государь“. А он дал мне перо в руки и лист бумаги, приказывал написать внизу, указав место пальцем, по-швецки. Но как я не знал по-швецки, то написал по-немецки. А потом [он] говорил: „Напиши еще, какой ты знаешь язык?“ То я написал ему и по-французски (писал же сии слова: «Ваше величество Петр Третий»). А Пугачев, взяв тот лист, и смотрел про себя, и сказал: „Мастер“⁷¹.

Листок с рукописными упражнениями Шванвича сохранился среди документов Оренбургской секретной комиссии⁷². Внизу листка рукой Шванвича написано по-немецки: «Ihre Majestete, Peter der Dritte»ⁿ, и по-французски: «Votre Majeste, Pierre le Grande»^m. Вверху

^л «командированным в город Сибирск для привозу в Санкт-Петербург рекрут», хотя к тому времени Шванвич уже почти четыре месяца находился в лагере Пугачева под Оренбургом.

^м «Ваше величество, Петр Третий».

^н «Ваше величество, Петр Великий». Обе надписи обведены справа круглой скобкой и сопровождены пометой секретаря секретной комиссии С. З. Зряхова: «Оное писал подпоручик Шванович, о чем и в допросе его показано».

листка, непосредственно над словами, написанными Шванвичем, рукой Пугачева начертаны те самые знаки, которые он выдавал за иностранную скоропись. Свой «текст» неграмотный Пугачев написал некоторое время спустя после упражнений Шванвича. Двойной автограф Пугачева и Шванвича был обнаружен вместе с двумя другими «автографами» Емельяна Ивановича в Бердской слободе, в доме казака Ситникова, где в ноябре 1773 — марте 1774 г. квартировал предводитель Крестьянской войны⁷³.

Вскоре после того, как Шванвич был «проэкзаменован» Пугачевым в знании иностранной грамоты, он и составил «немецкий» указ к Рейнсдорпу. В показаниях на следствии Шванвич признался также и в том, что по просьбе Почиталина составил для него русскую азбуку, «потому что он худо грамоте знает», а для повытчиков Военной коллегии — французскую азбуку; кроме того, он переводил на русский язык перехваченную повстанцами французскую и немецкую корреспонденцию⁷⁴ и, в частности, письмо генерала П. М. Голицына к Рейнсдорпу.

В январе 1774 г. Пугачев произвел Шванвича в атаманы, назначив командиром полка пленных солдат. И хотя Пугачев и отзывался о Шванвиче, что тот «служил ему охотно, бывал на сражениях под Оренбургом»⁷⁵, но в действительности он служил с неохотой, а по большей части уклонялся от службы и, сказавшись больным, большую часть времени укрывался в земляной бане, «лежал тамо день и ночь со свечкой месяца два с лишком»⁷⁶. Это показание Шванвича подтверждается свидетельствами лиц, знавших его по совместному невольному житью в Бердском лагере Пугачева. Поручик Лев Черкасов в рапорте Рейнсдорпу от 27 марта 1774 г. писал, что Шванвич, будучи в плена у пугачевцев, «хотя должность и нес есаульскую, а напоследок атаманскую, только всегда удалялся от нее, и по большей части имел себя больным, и лежал в земляной бане, где и никакова свету не было»⁷⁷. А илецкий казак Леонтий Творогов показал на следствии, что, находясь в Бердской слободе, он «прихаживал к есаулу Швановичу (которой тогда был болен) и советовали с ним о побеге. Но Шванович сказывал, что я теперь еще не могу. А как выздоровеем, то и уйдем в Оренбург»⁷⁸.

Побег в Оренбург Шванвич совершил 23 марта 1774 г., когда Пугачев, потерпевший накануне поражение в битве

у Татищевой крепости, выводил свое войско из Бердской слободы, надеясь прорваться к Яицкому городку. В Оренбурге Шванвич явился в губернскую канцелярию к Рейнсдорпу, где дал показание о пребывании у Пугачева, был приведен к присяге, а потом отправлен в комендантскую канцелярию. 31 марта в Оренбург вступили войска генерала П. М. Голицына, в составе которых был и 2-й гренадерский полк. Шванвич явился к командиру полка полковнику В. В. Долгорукову, которым тотчас же был взят под арест. 17 мая Шванвич предстал перед следователями секретной комиссии. Он понимал, что его ставкой на жизнь может быть только откровенное признание и полное раскаяние. Шванвич не пытался скрыть своих деяний в стане Пугачева, его ответы в основном не расходятся со свидетельствами пленных вожаков восстания. Он откровенно признался, что истинной причиной его перехода на сторону Пугачева был страх за жизнь: «Служил у него из страха, боясь смерти, а уйти не посмел, ибо если бы меня поймали, то повесили»⁷⁹.

Следователи разошлись во мнениях при выборе меры наказания Шванвичу. Склонен был к снисхождению чиновник секретной комиссии гвардии капитан-поручик С. И. Маврин, писавший о Шванвиче, что он «взят неволей [в плен к Пугачеву], явился сам, и притом не из числа мудрецов. Мнитца, что простить можно». На иной позиции стоял начальник секретной комиссии генерал-майор П. С. Потемкин, полагавший, что хотя Шванвич по характеру его «прост и шал» и служил Пугачеву по принуждению, но как офицер, изменивший присяге, он подлежит суровому осуждению⁸⁰.

Но судьба Шванвича решалась в Москве, где в ноябре 1774 г. в Тайной экспедиции производилось следствие над Пугачевым и ближайшими его сподвижниками, а в конце декабря открылся судебный процесс. Сенат приговорил Шванвича к лишению чинов, дворянства и к по- жизненной ссылке в Сибирь. 10 января 1775 г. на Болотной площади казнили пятерых осужденных во главе с Пугачевым, подвергли экзекуции и клеймению приговоренных к каторге, а над Шванвичем был произведен обряд гражданской казни. Сразу же после того он был отправлен под конвоем в Тобольск. Конвойный офицер вез сенатский указ к сибирскому губернатору Д. И. Чичерину, предписывающий ему назначить место ссылки Шванвичу, где бы тот содержался «с возможной осторожностью, дабы иногда не сделал утечки»⁸¹. 31 января

Чичерин сообщил Сенату, что Шванвич отправлен в ссылку в Сургут, а одновременно просил указаний о кормовом довольствии ссыльного⁸². Стоящий на правом берегу Оби острог Сургут, затерянный среди глухой тайги и гиблых болот, в 800 верстах от Тобольска, был по каким-то причинам признан Сенатом непригодным местом для ссылки Шванвича, а потому и было решено сослать его подалее, в заполярную Мангазею⁸³, «в такой город, откуда уйти не может», что же касается пропитания ссыльного, то «никакой из казны выдачи производить не следует..., а дать ему свободу питаться своею работою», о чем и был послан 17 марта указ к Чичерину. Получив этот указ, Чичерин 21 мая 1775 г. рапортовал Сенату, что он дал распоряжение об отправлении Шванвича из Сургута «до Томска, оттуда в Енисейск, а из сего места и в Мангазею»⁸³.

Прошло 25 лет, и в самом начале XIX в. имя ссыльного Шванвича вновь появилось на бумагах столичных канцелярий. В марте 1801 г. на престол вступил Александр I, начался период некоторых преобразований государственного управления. Была упразднена Тайная экспедиция Сената. Для пересмотра участия лиц, осужденных по решениям Тайной экспедиции, в 1801 г. была создана Комиссия по пересмотру прежних уголовных дел, начавшая свою деятельность со сбора ведомостей о каторжных, ссыльных, тюремных и монастырских арестантах. В ведомости, присланной в комиссию из Сибирской губернии, значились находившиеся в Туруханске ссыльные, а среди них Михаил Шванвич вместе с двумя другими пугачевцами — яицким казаком Семеном Толкачевым и сибирским крестьянином Степаном Арзамасцовым⁸⁴. По поводу всех ссыльных пугачевцев комиссия 18 апреля 1802 г. подала Александру I доклад, высказав мнение о желательности оставить этих ссыльных в прежнем положении, без какого-либо облегчения участия. Согласившись с мнением комиссии, Александр I утвердил доклад, распорядившись: «Быть по сему»⁸⁵. «Либеральный» курс правления Александра I не коснулся судьбы ссыльных пугачевцев. В ноябре 1802 г. Михаил Шванвич скончался и был погребен в Туруханске⁸⁶.

Следственное дело по процессу Пугачева, содержащее показания о пребывании Шванвича в лагере повстанцев,

⁸² Точнее, в Новую Мангазею, известную более как Туруханск — острог в низовьях Енисея, в двух тысячах верст от Тобольска.

находилось в 1830-х годах на секретном хранении, а потому Пушкин и не мог получить доступа к этому делу: «...к сожалению я его не читал, не смев его распечатать без высочайшего на то соизволения», — писал поэт в «Замечаниях о бунте» (IX, 374). Этой полупросьбой, обращенной к Николаю I, Пушкин пытался получить доступ к засекреченным документам. Не знал Пушкин и об архивных документах, касающихся сибирской ссылки Шванвича. Но тем не менее отдельные биографические данные о Шванвиче попали в 1834—1836 гг. к Пушкину. Работая в конце 1834 г. над текстом «Замечаний о бунте»⁸⁷, он вносит в него новый рассказ об Александре Мартыновиче Шванвиче и его сыне Михаиле, рассказ, записанный со слов какого-то петербургского знакомого, возможно, со слов того же Н. Свечина, а может быть и других лиц, знавших родных племянников Михаила Шванвича, отставных гвардейских офицеров Дмитрия Николаевича и Сергея Николаевича Шванвичей, живших в то время в Петербурге⁸⁸. Рассказ посвящен преимущественно похождениям Александра Мартыновича Шванвича, его столкновениям в молодые годы с Алексеем Григорьевичем Орловым. Что же касается Михаила Шванвича, о нем сообщается, что он, находясь «в команде Чернышева⁸⁹, имел малодушие пристать к Пугачеву и глупость служить ему со всеусердием. Г[раф] А. Орлов выпросил у государыни смягчение приговора» (IX, 479—480). В октябре 1835 г. Пушкин получил из Московского главного архива Министерства иностранных дел рукописи «Пугачевского» портфеля академика Г.-Ф. Миллера, а среди них записки оренбургского священника И. С. Полянского «История о происхождении самозванца Пугачева»⁹⁰. В записках сообщалось, что захваченный в плен повстанцами подпоручик Шванвич верно служил Пугачеву, «так что не только русские, но и немецкие в Оренбург присыпал на Емелькино имя с большим титулом письма и манифести» (IX, 594). И, наконец, в 1836 г. в руки Пушкина попали записки современника Крестьян-

⁸⁷ Фактическая неточность. В действительности Шванвич был взят в плен повстанцами 6 ноября 1773 г., а карательная команда полковника П. М. Чернышева попала в плен неделю спустя, 13 ноября.

⁸⁸ Никаких документов, свидетельствующих о заступничестве А. Г. Орлова за М. А. Шванвича, не имеется. К тому же во время следствия и суда над Шванвичем Орлова не было в России, он находился в командировке в Италии, откуда возвратился лишь в феврале 1775 г.

ской войны полковника М. Н. Пекарского⁹⁰, где наряду с достоверным известием о службе Шванвича «письмоводителем» у Пугачева сообщались явно вымыщленные известия о том, что Шванвич будто бы сделал донос на пленных офицеров, которые «согласились, найдя удобный случай, Пугачева убить», за что доносчик и был произведен в полковники, а потом, когда Шванвич добровольно явился в Оренбург, солдаты изобличили его в преступлении, за что он и был «сослан в каторжную работу» (IX, 606), чего, как известно, в действительности не было.

Собранные Пушкиным биографические данные о Михаиле Шванвиче и других офицерах, сотрудничавших с Пугачевым (капитан И. Башарин, подпоручик Ф. Минеев и др.), послужили реальным историческим материалом для создания образов героев «Капитанской дочки» — поручика Алексея Швабрина и прапорщика Петра Григорьева.

«Секретари Пугачева не остались в долгу...»

Разбиная архивные бумаги Секретной экспедиции Военной коллегии, Пушкин натолкнулся на любопытный документ — бранное послание пугачевцев в осажденный Оренбург, адресованное губернатору Рейнсдорпу⁹¹. Этот документ стал композиционной основой рассказа, помещенного Пушкиным среди примечаний к четвертой главе «Истории Пугачева» (IX, 103—104).

...Шел февраль 1774 г., пятый месяц оренбургской осады, в блокированном пугачевцами городе наступил голод. Войска генерал-аншефа А. И. Бибикова, посланные к Оренбургу, медленно продвигались вперед, преодолевая упорное сопротивление авангардных отрядов пугачевцев. Рейнсдорп «ежечасно ожидал прибытия нового войска, и не получал о нем никакого известия, будучи отрезан отовсюду, кроме Сибири и киргиз-кайсацких степей. Для поимки языка высыпал он иногда до тысячи человек, и то нередко без успеха» — так обрисовал Пушкин обстановку, сложившуюся в осажденном Оренбурге, а далее поведал об одной «военной хитрости» Рейнсдорпа: «...вздумал он, по совету Тимашева, расставить капканы около вала, и как волков ловить мятежников, разъезжающих ночью близ города. Сами осажденные смеялись над сею военною хитростию, хотя им было не до смеха» (IX, 36). Последний текст опирается на показания оче-

видца оренбургской осады поэта И. А. Крылова, рассказ которого Пушкин записал в апреле 1833 г. (IX, 492).

Однако основным источником при описании этого происшествия послужила «Хроника» П. И. Рычкова, опубликованная Пушкиным в приложениях к «Истории Пугачева». «По совету г. советника Тимашева, для поимки злодеев поставлено сего числа (12 февраля 1774 г. — *P. O.*) за городом в разных местах 27 капканов (машинки железные, коими в здешней стороне обыкновенно ловят волков, лисиц, бобров и других зверей), в том намерении, чтобы выехав за город яицким казакам заманить злодеев на сие место, и когда оным инструментом под кем из них уязвлена и подшиблена будет лошадь, чтоб, паскаяв, подхватить его было удобнее. Сия выдумка хотя и казалась некоторым нужна и полезна, однако не только никакой пользы и успеха от того не произошло, но и оные капканы, как после слышно было, кроме немногих, неведомыми людьми раскрадены, а злодеи, узнав, прямо делали разные о сей выдумке насмешки».

Рассказывая о дальнейшем развитии событий, Пушкин писал: «Рейнсдорп, потеряв надежду победить Пугачева силой оружия, пустился в полемику не весьма приличную. В ответ на дерзкие уверования самозванца, он послал ему письмо, со следующею надписью: *Пресущему злодею и от бога отступившему человеку, сатанину внуку, Емельке Пугачеву*» (IX, 103—104). О письме-увещевании Рейнсдорпа от 7 февраля 1774 г. Пушкин знал из словаря Д. Н. Бантыша-Каменского⁹², а его подлинник он нашел среди документов четвертой книги Секретной экспедиции Военной коллегии⁹³. Сохранился сделанный им краткий конспект этого документа: «Рейнсдорпа Увещание. Придите в раскаяние, посылают[ся] вам 2 манифеста, один на русск[ом], другой на башк[ирском]. Вы можете получить схождение понеже продержность ваша приписана быть может невежеству вашему — погибель ожидает вас как в сем, тако и в будущем свете, ибо не думайте угонзнутъ⁹⁴ от праведного и проч. Декабря⁹⁵ 7. 1774» (IX, 454).

Маловыразительный, канцелярски тяжелый язык этого послания подтверждает наблюдение Пушкина, приведенное в «Замечаниях о бунте», что «объявления, или публикации, Рейнсдорпа» не оказывали заметного воздействия

⁹² Угонзнутъ — избегнуть, скрыться,

⁹³ Описка; нужпо: февраля.

Гравировано
Г. Г. Гагариным
(Г. Г. Гагарин)

А. С. Пушкин

А. С. ПУШКИН.

Е. И. ПУГАЧЕВ. Гравюра, приложенная к пушкинской «Истории Пугачевского бунта». СПб., 1834.

Самодревавшаго амператора нашего
Благодарнаго государя Петра Ильицкаго

Бессрочнаго

Годовъ Годовъ Годовъ
Богомиломъ Могилъ Указъ изъображенъ
Лицѣю Волину падъ вѣ дрѣжъ мои
Прѣгражнѣмъ цѣлымъ сарфылъ допатки
Свогиѣ допроводъ да се пѣчи ваша
Падъ пѣси послушти засбор отпѣре
Стіво миѣ волину государь ампера
Творъ Петра Ильицкаго позда вѣ
Устоличи засбор отпѣре иништѣ
Вѣта ваша глава издава бывшерѣдовицъ
Курѣстѣи волинѣ сѣдтии миѣ волинъ
Годдаромъ залобаны. Издани геналмансії
Испаттарви испатпорас миѣ государь імпѣ
Ратпорсомъ волицѣстѣи тетръ Ильицкаго
Виницѣя вѣланъ якъ государь Петра Ильицкаго
Равицѣи шовсихъ виницѣ прощаю залоба
Яваръ раховъ сдѣршбенъ идѹса
Ідемаиѣ испанамиѣ пѣднорднѣмъ флюса
Игламъ пѣвнищомъ ітторакамъ пѣхѣбнамъ
Итраклидтамъ пѣвнищомъ государь ампера
Творъ фалъ вадъ тетръ Ильицкаго

1778 годъ сентябрь 17 числа

Bn Ulysse Gouvernant Reinsdorf

Ein jadur Ulysse Denim Unterthan weiß dat
 sein M.R. von bößfafften Landen und den
 Kriegsfeind, alle vnißfass ring wußt allen Russen
 Und gefesten ROTT, welche man geben; aber dringend
 Der allmächtigen Gott redt seines Gev. Han Tschiff
 und in dem ein freigleich zu ihm Gabtene werden
 Ulysse Denim Unterthan; fockt; worter
 Skipper und reidne gabt, und ein Mißfallen
 Den soll Kriegsfeind sind Ulysse Denim Mossaußern füßen
 ist das verschafft; aber ein jatz sagnd allein, ein
 sich will bedanken, und ein füchtnerig das
 Kriegsfeind nicht und kommen wollen; und Ulysse
 seinem M.R. ist ein Kriegsfeind, und Dolmengen
 Krieger und Pferden so als sein schade mißfallen
 und Husaren Unterthanen, die enge Kosten dab
 hat verloren so als erin ein freien Russen
 zu derßem bringen wollen; allein M.R.
 einer Ulysse Denim schreibtig zu einem Unterthanen
 sagnd und Drab: dass auf einjahr und fortan
 das Bootfahrt wiedar eins = kommen, und der
 Ulysse Denim seinem M.R. freiglich gesagnd sind
 tuus in verlorenheit Deinen haben; dann in einem
 Querwicht. Anzunehmen! und über den Kriegsfeind
 füchtigst. Spießdorn. Und wenn also das
 ein empfangen will, und noch in felss
 Mißfall und Bootfahrt wiedarbliven wird; und
 den allmächtigen Gott den Ulysse Denim in einer
 Public geschafft, in dem sich am jadt Denim
 Unterthan einfandlich backenhat.

anno 1773
 decembre data

Именной указ Пугачева Рейнсдорпу от 19 декабря 1773 г. (на нем.. яз.)

Вид на город Оренбург с левого берега р. Урал.
Гравюра по рис. П. П. Свинина.

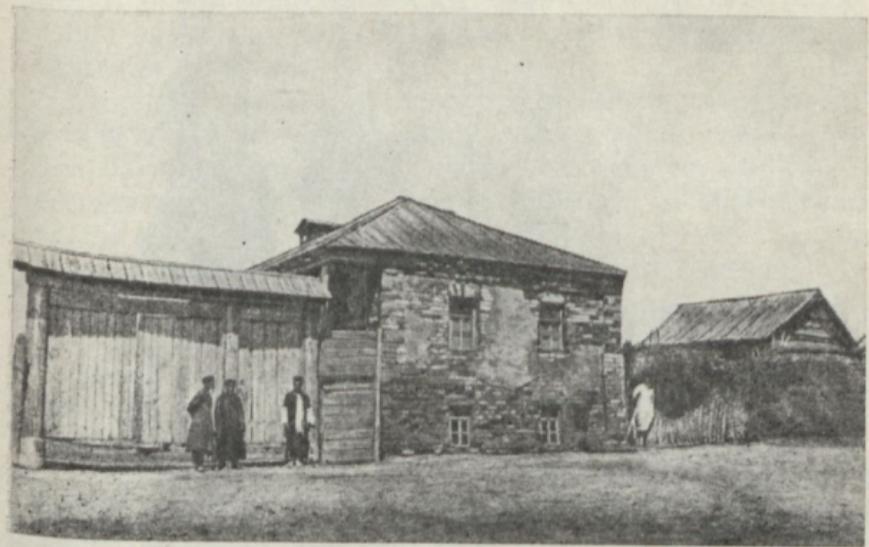
Георгиевская церковь в Фортштадте (предместье Оренбурга), с которой пугачевская артиллерия обстреливала город в ноябре 1773 г.

Дом Смолиных в Бердской слободе, на месте которого стояла изба казака К. Е. Ситникова — «государев дворец» Пугачева в ноябре 1773—марте 1774 г.

Село Нижне-Озерное, бывшая Нижне-Озерная казачья станица, которую 20 сентября 1833 г. посетил Пушкин.

Дом атамана повстанцев М. П. Толкачева в Яицком городке
(ныне г. Уральск), где останавливался Пугачев приезжая из-под
Оренбурга.

Дом в Яицком городке (ныне г. Уральск),
принадлежавший родственникам Устины Кузнецовой —
второй жены Пугачева.

Собор архангела Михаила в Яицком городке (ныне г. Уральск) — цитадель внутренней городской крепости, осаждаемой отрядами Пугачева в январе — апреле 1774 г.

Дом наказных атаманов Уральского казачьего войска в г. Уральске, где у атамана В. О. Покатилова останавливался Пушкин 21—23 сентября 1833 г.

на простой народ, ибо они «были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов» (IX, 371). Увещевание Рейнсдорпа было замечено Пушкиным.

Минуло более двух недель с момента отправки письма-увещевания Рейнсдорпа в лагерь восставших и наконец 23 февраля 1774 г. (на другой день по возвращении Пугачева из Яицкого городка в Бердскую слободу) пугачевцы подбросили к стенам Оренбурга ответное послание Рейнсдорпу. В тот день, как вспоминал Рычков, близко к городу подъехали конные пугачевцы и, остановившись, «повесили на палке мешочек с письмами», среди которых и оказалось письмо, полное «выражений, с угрозами губернатору, ежели город в их руки не будет отдан» (IX, 311—312).

Оскорбительным для Рейнсдорпа было не только содержание пугачевского послания, но и то, что оно было написано на незаполненной половине листа письма-увещевания Рейнсдорпа. В таком виде оба документа были подброшены к стенам Оренбурга. Что же касается содержания письма повстанцев, то, как заметил Пушкин, «секретари Пугачева не остались в долгу» (IX, 104) и достойно ответили Рейнсдорпу. В журнале Оренбургской губернской канцелярии записано, что пугачевцы «не только на то увещевание не склонились, но с большим ругательством оное возвратили»⁹⁴. Пугачевское послание Рейнсдорпу Пушкин воспроизвел полностью (IX, 104).

«Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну.

Прескверное ваше увещевание здесь получено, за что вас, яко всесквернаго общему покою ненавистника, благодарим. Да и сколько ты себя, по действу сатанину, не ухищрял, однако власть божию не перемудришь. Ведай, мошенник, известно, да и по всему тебе, бестии, знать должно, сколь ты не опробовал своею всесквернаго щастия, однако спчастия ваше служит единому твоему отцу,— сатане. Разумей, бестия, хотя ты, по действу сатанину, во многих местах капканы и раставил, однако ваши труды остаются вотще. А на тебя здеся, хотя варовенных не станет петель⁹⁵, а мы у мордвина, хоть грину дадим, мочальник⁹⁶ [возьмем] да на тебя веревку свить

⁹⁴ Варовенная петля — петля, сделанная из просмоленной пеньковой веревки.

⁹⁵ Мочальник — липовый луб, сырье для изготовления мочальных веревок.

можем. Не сумневайся ты, мошенник, из б.... зделан.

Наш всемилостивейший монарх, аки орел поднебесной, во всех армиях на один день бывает, а с нами всегда присутствует. Да и б мы вам советываем, оставя свое зловредие, притти к нашему чадолюбивому отцу и всемилостивейшему монарху. Егда придешь в покорение, сколь бы твоих озлоблений не было, но только во всех извинениях всемилостивейший прощает, да и сверх того, вас прежнего достоинства не лишил. А здесь небезызвестно, что вы и мертвчину в честь кушаете.

И тако, объяvia вам сие, да и пребудем, по склонности вашей, ко услугам готовы.

Февраля 23 дня 1774 году»⁹⁵.

Надо полагать, Рейнсдорп был взбешен и, ища сочувствия, отправил оригинал пугачевского послания⁹⁶ в Военную коллегию, а копию с него — в Сенат⁹⁷, не подумав о том, что скорее действия самого губернатора, описанные в этом документе, достойны осуждения и осмеяния. Уж, во всяком случае, Пушкин-то по достоинству оценил едкое остроумие и красочность послания пугачевцев и широко обнародовал его. К оценке этого уникального документа вполне приложимо определение «удивительный образец народного красноречия», определение, данное Пушкиным первому возвзванию Пугачева от 17 сентября 1773 г. к яицким казакам (IX, 371).

Кто был автором пугачевского послания Рейнсдорпу от 23 февраля 1774 г.? Пушкин дважды указал на оренбургского казачьего сотника Тимофея Ивановича Падурова — полковника пугачевского войска. В четвертой главе «Истории Пугачева» Пушкин писал: «Падуров, в одном из своих писем, извительно упрекал губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмешливо советую покориться самозванцу» (IX, 36), а в примечании к этому месту предварил публикацию пугачевского послания Рейнсдорпу словами: «Помещаем здесь письмо Падурова, как образец канцелярского его слога» (IX, 104). Свидетельство об авторстве Падурова Пушкин нашел в рукописи биографической статьи Д. Н. Бантыша-Каменского, где сообщалось, что Падуров «писал от самозванца грозные возвзвания к оренбургскому губернатору господину Рейнсдорпу»⁹⁸. Теперь установлено, что возвзвания — именные указы Пугачева Рейнсдорпу — составлялись пугачевскими секретарями Почиталиным и Горшковым (и однажды подпоручиком Шванвичем). Что же касается послания к Рейнсдорпу от 23 февраля, то по-

черковедческой экспертизой (сопоставлением графики этого документа с автографами писем Падурова⁹⁹) установлено, что оно не принадлежит руке Падурова.

Вопрос об авторстве послания пытались выяснить следователи Оренбургской секретной комиссии. На заседании 8 мая 1774 г., где, кстати говоря, присутствовал и Рейнсдорп, следователи, допрашивая Ивана Почиталина, спросили его, кто писал письмо к оренбургскому губернатору. Почиталин ответил, что писал его секретарь Военной коллегии Максим Горшков¹⁰⁰. На повторный вопрос следователей и Рейнсдорпа, уяснив, что речь идет о послании от 23 февраля, Почиталин сказал, что документ этот писали «бывшие в Военной коллегии повытчиками Супонев¹⁰¹ и Пастаханов¹⁰², а не Горшков, на которого выше сего в допросе показывал я ошибкою»¹⁰³.

Следует заметить, однако, что рукописная графика пугачевского послания от 23 февраля 1774 г. не имеет сходства с известными почерками И. Пустаханова и С. Супонина. Это не означает того, что они не участвовали в составлении послания. Надо полагать, что этот документ был создан в результате коллективного творчества Пустаханова, Супонина и других лиц повстанческой Военной коллегии (не исключается также соавторство Горшкова и Падурова). Предварительные наброски и заметки были, видимо, сведены в единый документ, который был отослан Рейнсдорпу¹⁰⁴.

Остается ответить на еще один вопрос: как удалось Пушкину, несмотря на цензуру, опубликовать в своей книге пугачевское послание к Рейнсдорпу — замечательный памятник народной сатирической публицистики? Пушкин представил Николаю I рукопись основного текста книги (главы I—VIII). Она была просмотрена и отцензурена царем в течение декабря 1833 — начала марта 1834 г. Что же касается рукописи примечаний к этим главам, где было помещено пугачевское послание Рейнсдорпу, то они к Николаю I не посыпались, над примечаниями Пушкин продолжал работать до конца июля 1834 г., когда уже шло печатание книги¹⁰⁵. 26 июля он писал жене: «Держу корректуру двух томов вдруг, пишу примечания» (XV, 182). Избегнув благодаря сложившейся ситуации цензурного контроля и — как его следствия — изъятия, пугачевское послание Рейнсдорпу смогло появиться в печати.

Глава II

В МЯТЕЖНОЙ БЕРДСКОЙ СЛОБОДЕ

В семи верстах к северо-востоку от Оренбурга на угористом берегу Сакмары-реки стоит старинное казачье селение Бердская слобода (Берда) — место, памятное по отечественной истории и литературе. Пушкин, рассказывая о происходивших тут событиях Пугачевского восстания, назвал Берду мятежной слободой¹. Здесь с ноября 1773 по март 1774 г. располагалась главная ставка Емельяна Пугачева. Отсюда водил он свои отряды на приступы к осажденному Оренбургу, а его атаманы отправлялись в дальние походы к Уфе и Самаре, Челябинску и Гурьеву, Кунгuru и Казани. В Бердской слободе действовала Военная коллегия восставших, отсюда рассыпались пугачевские манифести, сулившие трудовому народу вечную волю и землю. Название «мятежной» Бердская слобода заслужила и потому, что подавляющее число бердских казаков верно служили Пугачеву. Очевидец восстания известный ученый П. И. Рычков писал, что «тутошние все были ему [Пугачеву] приклонны»².

В те времена пугачевская столица Берда насчитывала всего лишь до сотни дворов с таким же числом казачьих семей в них. Защищенная с запада рекой Сакмарой, а с юга, со стороны Оренбурга, огромным буераком, слобода обнесена была обветшалым бревенчатым тыном и рогатками, а на углах крепости и в проезжих ее воротах стояли пушки².

19 сентября 1833 г., 60 лет спустя после начала Крестьянской войны, в Бердскую слободу приезжал Пушкин, слушал рассказы стариков, знавших Пугачева, предания и песни о нем, сохранившиеся в памяти потомков участников восстания, осматривал места былых укреплений и боев. Материалы о Пугачевском восстании, собранные поэтом во время путешествия в Поволжье и Оренбургский край и, в частности, при посещении Бердской слободы (записи, сделанные на отдельных листах и в дорожной записной книжке), опубликованы во второй книге девятого тома Большого академического издания Сочинений Пушкина (IX, 492—497). Среди этих материалов

¹ «Мятежная слобода» — так называется глава одиннадцатая пушкинской повести «Капитанская дочка», где рассказывается о встрече прaporщика Гринева с Пугачевым в Бердской слободе.

напечатана заметка, внесенная Пушкиным в записную книжку при посещении Бердской слободы, где упомянут казак, в доме которого в свое время квартировал Пугачев (IX, 493).

Публикация этой заметки в печати имеет свою историю. Впервые ее напечатал профессор П. О. Морозов в 1903 г. в таком виде: «В Берде Пугачев жил в доме Константина Ситникова»³. Четверть века спустя известный пушкинист Л. Б. Модзалевский опубликовал этот текст в несколько ином чтении, переделав имя Ситникова с «Константина» на «Кондратия»⁴; так же он был воспроизведен им и в сборнике «Рукою Пушкина», вышедшем в свет в 1935 г.⁵ Предложенное Модзалевским чтение было принято редакцией Большого академического издания Сочинений Пушкина. Во второй книге девятого тома издания, вышедшей в 1940 г., текст передан так: «В Берде Пугачев жил в доме Кондратия Ситникова», а в примечании указано, что слово «Кондратия» написано Пушкиным взамен зачеркнутого им «Карпа» (IX, 493). В последующих изданиях Сочинений Пушкина текст данной заметки печатался так, как он был опубликован в академическом издании.

Оренбургский краевед С. А. Попов, собирая биографические материалы о казаках — собеседниках Пушкина⁶, обнаружил в Оренбургском архиве ревизскую перепись казаков Бердской слободы за 1834 г. (VIII ревизия) и среди них запись о 50-летнем Карпе Ситникове и его семействе⁷. Из этого следует, что Карп Ситников был современником Пушкина и, вероятно, очевидцем его приезда в Бердскую слободу 19 сентября 1833 г. Важно и то, что в ревизской переписи этот казак записан полным его именем «Карп Константинов Ситников», что дало возможность установить имя его отца — Константина Ситникова. Исходя из этого, С. А. Попов выдвинул обоснованное предположение, что в пушкинской заметке назван не «Кондратий», а Константин Ситников. Предположение подтвердилось при обращении к факсимиле соответствующей страницы записной книжки (IX, вклейка между с. 492 и 493), где сокращенно написанное имя старшего Ситникова читается как «Конст[антина]», хотя по начертанию букв допустимо и иное чтение: «Кондр[атия]», что и было принято Л. Б. Модзалевским, а вслед за ним и другими пушкинистами. Благодаря обнаруженным С. А. Поповым документам неопровергимо устанавливается, что в записи Пушкина речь идет о Константине Сит-

никове и что текст этот должен читаться так: «В Берде Пугачев жил в доме Константина Ситникова», как и напечатал его в свое время П. О. Морозов.

Найдка С. А. Попова послужила отправным импульсом к разысканию материалов для биографии Константина Ситникова и истории его дома — «государева дворца» при Пугачеве. Прежде всего предстояло установить происхождение пушкинской записи о доме Ситникова. Кто был информатором Пушкина?

Оренбургский краевед С. Н. Севастьянов в 1899 г. со слов 77-летней казачки Акулины Тимофеевны Блиновой (урожденной Мордвинцевой)⁸ записал ее воспоминания о пребывании Пушкина в Бердской слободе 19 сентября 1833 г. Помнилось ей, что день тот был теплый и ясный. Она сидела у дома старой бердской казачки Бунтовой, нянчившей детей. К ним подошли двое в штатском, «один высокий⁹, другой попиже — курчавый» (это и был Пушкин). Блинова рассказывала, что «у него лицо белое, а губы большие, толстые; да уж очень меня запял ноготь на пальце — длинный, предлинный, у нас таких и не носят». Пушкин и его спутник попросили «показать дом, где жил Пугачев». Бунтова повела их. «Дом этот стоял на Большой улице, на углу, на красной стороне¹⁰... Он был на шесть окон. Со двора открывался чудесный вид на Сакмару, озеро и лес. Сакмарा подходила совсем близко ко дворам. Курчавый господин похвалил место, говорит: — „Прекрасное!“» Потом, вспомнила Блинова, Пушкин с «высоким господином» пошли от бывшего пугачевского «дворца» вниз по улице к Сакмаре¹⁰. Старая казачка Бунтова, современница Крестьянской войны, в юности хорошо знала Пугачева, даже приносила ему вместе с жителями Нижне-Озерной крепости присягу в верности. Вероятно, Бунтова и сообщила Пушкину, что дом, в котором 60 лет назад жил Пугачев, стал принадлежать Карлу Ситникову. С ее слов Пушкин и сделал в дорожной книжке запись: «В Берде Пугачев жил в доме Карла Ситникова». Изменение имен в этом тексте (над зачеркнутым «Карла» написано «Конст[антина]») произошло после того, как Пушкин установил от собеседников, возможно от самого Карла Ситникова, что в пугачевское время дом этот принадлежал Константину Сит-

⁸ «На красной стороне», т. е. обращенный фасадом к юго-востоку, к восходу солнца: «...солнце утром входит в избу передними, красными окнами». (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 2, с. 187).

никову. Эти сведения подтвердились анализом текста «Капитанской дочки», свидетельствами очевидцев событий 1773—1774 гг., воспоминаниями современников Пушкина и данными других источников, в которых речь идет о «дворце» Пугачева.

Заходил ли Пушкин в дом Карпа Ситникова? Это представляется вполне вероятным. И в этом нельзя, кажется, не убедиться при чтении того места главы «Мятежная слобода» в «Капитанской дочке», где Пушкин словами героя повести Петра Гринева рассказал о его встрече с Пугачевым в «государевом дворце»: «Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка... Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками,—все было как в обыкновенной избе» (VIII, 346—347). Нетрудно заметить, что это описание составлено по личным наблюдениям Пушкина,—так, несомненно, выглядел дом Карпа Ситникова в 1833 г. Лишь одна деталь этого описания относится к реалиям пугачевского времени — необычная для обихода казачьей избы вещь — золотая бумага, коей были оклеены стены. Эта деталь, как будет видно ниже, имеет решающее значение для доказательства факта знакомства Пушкина с убранством дома Карпа Ситникова. Дело в том, что в Оренбурге среди современников Пушкина бытовало предание о «золотом дворце» Пугачева — избе, обитой латунными листами. В 1824 г. Оренбург посетил чиновник Министерства внутренних дел известный журналист П. П. Свинин. С памятными местами Оренбурга его знакомили местные литераторы А. П. Крюков и П. М. Куряшов. С их, видимо, слов Свинин, сам не бывавший в Бердской слободе, писал, что Пугачев имел «свою резиденцию в близлежащем селе Берды, где показывают доселе избу, бывшую дворцом сего разбойника, которую для величия сана своего приказал он обить латунью внутри и снаружи»¹¹. Приятель Пушкина писатель и этнограф В. И. Даля, служивший в 1833 г. в Оренбурге чиновником особых поручений у генерал-губернатора В. А. Перовского, в воспоминаниях, написанных около 1840 г., сообщал, что он вместе с Пушкиным ездил «в историческую Бердинскую слободу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга... Говорил... о бердинских старухах, которые

помнят еще „золотые“ палаты Пугача, то есть обитую медною латунью избу». По приезде в Берду «мы отыскали старуху¹², которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с нею целое утро, ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец»¹².

Кто же был более точен в описании убранства «дворца» Пугачева, Пушкин ли, писавший об обоях из золотой бумаги, или же Свирин и Даль, сообщавшие об украшении избы обшивкой из латунных листов? Ближе к истине оказался Пушкин. Более того, его данные полностью подтвердились при обращении к документам пугачевского времени, сохранившимся в фондах ЦГАДА. Командир пугачевской «гвардии» (личной охраны Пугачева), сотник яицких казаков-повстанцев Тимофея Григорьевича Мясникова на допросе 9 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии показал, что после вступления в Бердскую слободу Пугачев поселился в доме казака Ситникова и «покой у него был обит вместо обоев шумихою»¹³. А шумихой в разговорном обиходе XVIII–XIX вв. называлось сусальное золото — тончайшая бумага (или пленка) золотистого цвета, изготовленная из двусернистого олова¹⁴. Удалось установить обстоятельства появления золотой бумаги — шумихи в стане Пугачева. В конце октября 1773 г. повстанцы задержали под Орской крепостью бухарский торговый караван и пригнали его в Берду. Среди захваченных товаров (меха, чай, хлопчатая бумага, серебро и др.) было до двух десятков ящиков шумихи. Часть ее была взята для оклейки избы Ситникова, а 17 ящиков вместе с другими товарами Пугачев продал за 2300 руб. татарскому купцу Мусе Улееву, которые и хранились в его доме в Каргалинской (Сейтвой) слободе. В начале апреля 1774 г., вскоре после отступления Пугачева из-под Оренбурга на уральские заводы, Муса Улеев был арестован, а найденные у него товары отобраны и перевезены в Оренбург, где и сданы в пограничную таможню¹⁵.

Пушкин, сообщая в «Капитанской дочке» о золотой бумаге (шумихе), украшавшей стены «дворца» Пугачева, опирался, как видно из сказанного, на достоверный исторический факт¹⁶, сообщенный ему, видимо, Карлом Ситниковым, который основывался в этом случае либо на воспоминаниях детства, либо на рассказе своего отца Константина Ситникова.

¹² Это была казачка И. А. Бунтова,

Много времени заняли поиски биографических материалов о Константине Ситникове. Предстояло прежде всего найти ответ на вопрос: принимал ли он участие в Пугачевском восстании?

Просмотр 14 фолиантов с документами Оренбургской губернской канцелярии за 1772–1775 гг. (дела канцелярии губернатора И. А. Рейнсдорпа) в ЦГАДА¹⁷ не дал сведений о Ситникове. К тому же привело изучение материалов Секретной экспедиции Военной коллегии и военно-походных канцелярий генералов А. И. Бибикова, П. М. Голицына и Ф. Ф. Щербатова за 1773–1774 гг., хранящихся в ЦГВИА¹⁸. Были просмотрены десятки протоколов показаний пленных пугачевцев в делах Оренбургской секретной комиссии за 1774 г.¹⁹, где хотя и нашлись допросы нескольких бердских казаков, однако и среди них не было свидетельств о Константине Ситникове. А может быть он и не был пугачевцем, а его имя причастно к восстанию лишь только тем, что принадлежавший ему дом стал «дворцом» Пугачева? Но даже если бы это предположение оказалось верным, поиски биографических данных о Ситникове (даты жизни, прохождение службы и др.) следовало продолжить. И частойчевые поиски вознаградились находкой документов, устанавливающих участие Ситникова в Пугачевском движении.

В материалах Оренбургской секретной комиссии сохранился «Список важных колодников»²⁰, в котором с октября 1773 г. губернская канцелярия в Оренбурге фиксировала данные о захваченных в плен, а также о явившихся с повинной пугачевцах. В списке начиная с 23 марта 1774 г., с того дня, в который Пугачев оставил Бердскую слободу, стали встречаться имена бердских казаков, пригнанных под конвоем в Оренбург и заключенных в городской острог. 23 марта в список внесены, в частности, бердские казаки: урядник Андрей Белоглавов, рядовые Яков Перов, Николай Копытин, Дмитрий Тумин, Трофим Блинов; 25 марта — Иван Черемухин, Яков Блинов; 27 марта — Дмитрий Цаплин и т. д.²¹ И вот, наконец, на обороте л. 56 списка запись № 292, сообщающая, что 3 мая 1774 г. в оренбургский острог был заключен «бердинской казак Костентин Ситников», который «прислан от подполковника Могутова, пойманной при разбитии злодейской толпы неподалеку от Переволоцкой крепости, на степи, которой показал, что он на приступах к здешнему городу и на сражениях

с высылаемыми отсель командами обще с прочими разбойниками был»²². Судя по этой предельно скромной записи, Константин Ситников^г принимал активное участие в боевых операциях пугачевцев под Оренбургом. Он оставался в рядах восставших и после того, как Пугачев, разбитый в битве под Сакмарским городком, отступил на уральские заводы. Лишь месяц спустя после этого карателям удалось захватить в плен Ситникова и группу его товарищей в стычке у Переволоцкой крепости, причем взяли их с оружием в руках. Секретная комиссия, прибывшая в Оренбург 5 мая, не допрашивала Ситникова (как и многих других рядовых пугачевцев), удовлетворившись показаниями, сделанными им 3 мая при заключении в тюрьму, а потом вынесла по ним свое определение о наказании.

В материалах секретной комиссии сохранилось особое дело, в котором собраны ее определения с мая по август 1774 г. При его просмотре найдено определение от 26 мая, по которому решено было «берденских казаков Анисима Трифонова, Емельяна Белова, Егора Полумеркова, Семена Конопанова, Костянтина Ситникова и Егора Белоглазова» за то, что они, «дав себя обмануть» Пугачеву, почитали его «истинным государем и слепо повиновались» его повелениям, «пересечь всех при комиссии плетьми нещадно, и потом из-под караула всех освободить, и дав им от комиссии билеты, велеть явиться служащим по командам, а неслужащим в своих жительствах, немедленно»²³. После экзекуции, которая производилась, как было заведено в секретной комиссии, сразу же по вынесении приговора, Ситников вместе с другими казаками-пугачевцами возвратился в Бердскую слободу.

Обнаружение документов, указывающих на участие Константина Ситникова в Пугачевском восстании, означало то, что решена пока лишь часть задачи по воссозданию его жизненного пути. Надлежало установить другие факты его биографии.

Учитывая то, что Ситников к началу Пугачевского движения уже состоял на казачьей службе, а она в то время начиналась с 18 лет, следовало предпринять поиски поименных переписей Оренбургского казачьего войска

^г Следует сказать, что, судя по архивным документам второй половины XVIII — начала XIX в., среди жителей Бердской слободы известен лишь один казак по имени Константин Ситников, который, следовательно, был и владельцем дома, где квартировал Пугачев, и участником Пугачевского восстания.

(куда входили и казаки Бердской слободы) за 1760-е и 1770-е годы. С этой целью были просмотрены описи и дела ряда фондов ЦГВИА, связанных с управлением казачьими войсками, в частности, материалы Казачьей экспедиции Военной коллегии, коллекции дел по другим подразделениям коллегии, бумаги фонда вице-президента коллегии Г. А. Потемкина (он с 1774 г. был шефом казачьих войск) и др. Нашлись переписи Яицкого казачьего войска за 1772, 1774 и 1776 гг.²⁴, но, к сожалению, по Оренбургскому казачьему войску подобных переписей в ЦГВИА не оказалось. Была предпринята попытка найти сведения о Ситникове в периодически составлявшихся в XVIII—XIX вв. ревизских переписях населения Российской империи, учитывавших также и казачество. Но, как выяснилось при обращении в архивы, переписей населения по Бердской слободе за XVIII в. не сохранилось, а в данных VII (1816 г.) и VIII (1834 г.) ревизий по этой слободе Константина Ситникова не упоминается²⁵.

Неудача в архивных розысках списков Оренбургского казачьего войска и в ревизских переписях казаков Бердской слободы не остановила работы по выявлению источников для биографии Константина Ситникова. Решено было просмотреть описи и дела тех фондов ЦГВИА, в которых могли встретиться документы, содержащие сведения об Оренбургском казачьем войске. На одной из последних страниц описи дел канцелярии шефа казачьих войск генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина учтено дело № 305 за 1791 г., в котором, судя по заголовку, находятся формулярные списки старшин Донского, Черноморского, Терского, Астраханского, Сибирского, Уральского и Оренбургского казачьих войск. Особых надежд на то, что в деле найдутся какие-либо данные о Ситникове, не было. Ведь хорошо известно, что формулярные (послужные) списки составлялись на лиц, состоявших в старшинских (офицерских) казачьих чинах. Мог ли бывший пугачевец выслужиться до таких чинов? С другой стороны, со времени Пугачевского восстания прошло уже почти два десятка лет, всякое могло быть. В общем дело заслуживало внимания.

Объемистая архивная папка содержит сотни граффитиных листов грубой голубоватой бумаги. А вот и формулярный список старшин Оренбургского казачьего войска, присланный в канцелярию Г. А. Потемкина оренбургским губернатором А. А. Пеутлингом при рапорте от 19 февраля 1791 г. Список начинается с записей о старшинах,

служивших в самом Оренбурге, вслед за ними сообщаются сведения о старшинах казачьих команд различных крепостей, слобод и станиц Оренбургской губернии. А вот, наконец, и интересующий нас текст: «Станичные по Сакмаре реке в Бердской слободе» и далее следуют служебные данные об атамане бердских казаков Петре Харитонове, а несколькими строками ниже — подробные биографические сведения о хорунжем Константине Ситникове. Из них видно, что ему в 1791 г. исполнился 41 год и, следовательно, родился он в 1750 г. Происходил он, как сказано в списке, «из казачьих детей». Вступил в службу 27 ноября 1767 г.; семь лет спустя, 2 сентября 1774 г., произведен в капралы, что состоялось по приказу войскового атамана полковника В. И. Могутова. Любопытно, что Ситников определен в капралы всего лишь три месяца спустя после того, как был нещадно высечен плетьми за участие в Пугачевском восстании. Назначение недавнего пугачевца в унтер-офицерский чин объясняется, вероятно, тем, что служившие в Бердской слободе казачьи офицеры разжалованы были в 1774 г. Оренбургской секретной комиссией в рядовые за их приверженность Пугачеву, а на вакантные офицерские чины из-за недостатка подходящих кандидатур пришлось выдвинуть рядовых казаков.

29 марта 1780 г. приказом войскового атамана Д. Кирсанова капрал Ситников произведен в следующий чин, стал урядником, а десять лет спустя, 12 февраля 1790 г., назначен хорунжим, получив этот чин по распоряжению губернатора Неутлинга. Далее из списка выясняется, что Ситников «грамоте читать и писать не умеет». На вопрос девятой графы «Во время службы в походах и на баталиях находился ли и в которое время» сказано: «Не бывал», что, как мы знаем, не соответствовало истине. Но ведь не стали бы и писать в формулярном списке, что Ситников «в походах и на баталиях находился», будучи на службе у Пугачева. Эта страница биографии Ситникова была предана забвению. Более того, на вопрос десятой графы «достоин ли он «к повышению» в чине отвечено: «Достоин»²⁶. В этой аттестации — признание деловых способностей Ситникова, который, невзирая на его «пугачевское» прошлое, смог выслужиться до хорунжего (чин, отнесенный к XIII классу по «Табели о рангах») и даже считался достойным к производству в очередной чин — в сотники.

Последующие факты биографии Ситникова (после

1791 г.) можно было установить путем выявления новых, более поздних по времени формулярных списков о его службе. И такие списки нашлись в фондах ЦГВИА: за февраль, август и декабрь 1792 г. — в делах Казачьей экспедиции Военной коллегии²⁷ и среди документов канцелярии вице-президента Военной коллегии генерал-аншефа Н. И. Салтыкова²⁸, за январь 1795 г. — в материалах той же Казачьей экспедиции²⁹. Следует, впрочем, отметить, что списки эти не указывают особых перемен в службе Ситникова, дублируя в основном данные списка 1791 г.; правда, список 1795 г. сообщает об участии Ситникова «в линейной службе» — охране пограничной укрепленной линии по р. Урал. Ситников, как и прежде, атtestуется начальством достойным к повышению в следующий чин.

Более интересные находки сделаны по делам особой коллекции формулярных списков ЦГВИА. В списке, посланном атаманом Оренбургского казачьего войска полковником А. Углицким 1 января 1798 г. в Военную коллегию, значится, что Константин Ситников является атаманом казаков Бердской слободы. На этот пост он был назначен 30 марта 1797 г.³⁰; назначение состоялось, видимо, по рекомендации воинского атамана Углицкого и по заведенному порядку утверждено оренбургским губернатором генерал-поручиком О. А. Игельстромом. В графе «В которых полках и баталиях в течение службы находился?» отмечено, что Ситников «в разных годах» находился «в линейной службе». Примечателен ответ на вопрос предпоследней графы послужного списка «В штрафах был ли, по суду или без суда, когда и за что именно?», на что кратко сказано: «Не бывал». А ведь Ситников, как известно, за активное участие в Пугачевском движении был судим Оренбургской секретной комиссией и по ее приговору подвергнут телесному наказанию!

Определение бывшего пугачевца Ситникова в атаманы³¹ — факт не единственный в своем роде. Этот и другие примеры сравнительно легкого наказания и последующего прощения пугачевцев можно, видимо, объяснить известным снисхождением властей к казакам, несущим трудную службу на окраине империи. Примечательна в этом отношении, например, служебная карьера казачье-

³¹ Вместе со званием атамана Ситников получил, видимо, и чин сотника, так как в Бердской слободе по штатам Оренбургского войска размещалась сотня казаков, командиром которой являлся местный атаман.

го писаря Бузулукской крепости Игнатия Яковлевича Пустаханова, в глазах властей человека несравненно более виновного, нежели Ситников, ибо он при Пугачеве служил повытчиком (столоначальником) в повстанческой Военной коллегии. Захваченный в плен карателями в начале апреля 1774 г., Пустаханов содержался под следствием в Оренбургской секретной комиссии, по приговору которой высечен плетьми и отослан под надзор на прежнее место службы. Всего лишь пять лет спустя после Пугачевского восстания, в апреле 1780 г., он получил чин хорунжего, а в октябре 1789 г. был назначен атаманом казаков Бузулукской крепости и пробыл на этом посту до 1802 г.

Константин Ситников прослужил атаманом в Бердской слободе немногим более четырех лет. 8 апреля 1801 г. он был смещен с этого поста («за неспособностью от службы отставлен»)³¹, но в чем конкретно заключалась его непригодность к службе установить пока что не удалось. С отставкой Ситникова его имя исчезло со страниц послужных списков старшин Оренбургского казачьего войска.

Для выявления фактов биографии Ситникова С. А. Попов обследовал метрические книги Вознесенской и Георгиевской церквей Оренбурга, к приходам которых были приписаны жители Бердской слободы в 1794—1824 гг. По записям 1805, 1808 и 1813 гг. Константин Ситников упоминается как здравствующий «отставной атаман»³². Учитывая то, что в сохранившихся метрических книгах Георгиевской церкви за 1814 и 1816 гг. не имеется записи о смерти Константина Ситникова, а в упомянутом выше списке прихожан Бердской слободы за 1817 г. его жена Анисья Никитична названа вдовой³³, можно предположить, что он скончался в 1815 г. и запись о его смерти находилась в метрической книге Георгиевской церкви именно за этот год; но, к сожалению, эта книга в архиве не сохранилась.

Небезынтересно было бы установить данные об отце Константина Ситникова. В фонде Сената в ЦГАДА хранится переписная книга казачьего населения Оренбургской губернии за 1740 г. В переписи, составленной атаманом Бердской слободы С. С. Шацким, значатся два рядовых казака Ситникова — Козьма Фадеевич 36 лет и Егор Якимович 26 лет (видимо, двоюродные братья), оба холостые, бывшие монастырские крестьяне вотчины Ипатьевского монастыря в селе Никольском Симбирского

уезда³⁴. Кстати, оба они, Козьма и Егор Ситникovy, принимали участие в Пугачевском восстании, в апреле 1774 г. были арестованы карателями, вскоре оба умерли в оренбургском остроге: Козьма — 26 апреля, а Егор — 3 мая 1774 г.³⁵

Кто же из этих родоначальников фамилии бердских Ситниковых был отцом Константина Ситникова? В предварительных соображениях предпочтение отдавалось более молодому из них — Егору Якимовичу Ситникову. Некоторое время спустя это подтвердилось находкой в том же архиве протокола показаний бердского казака-повстанца Анисима Трифонова, захваченного в плен 11 декабря 1773 г. вблизи осажденного Оренбурга. На допросе в Оренбургской губернской канцелярии он рассказал следующее: «Сего декабря 6-го числа в Бердинской слободе Татищевой [крепости] и другой неведома отколь попы служили обедню⁶, и самозванец тогда был в церкви. А после обедни оные попы в самозванцовой квартире, в доме казака Егора Ситникова, пели молебен. И по окончании того молебна из одного единорога да из пушки производилась пять раз пальба»³⁶. Это авторитетное свидетельство современника, сопоставленное с приведенными выше данными других источников, позволило установить, что первым владельцем исторического дома был Егор Якимович Ситников (1714—1774). В 1773 г., когда ему шел 60-й год, фактическим хозяином дома — пугачевского «золотого дворца» — являлся его 24-летний сын Константин Егорович Ситников³⁷, упомянутый в пушкинской заметке.

Бердская казачка А. Т. Блинова, рассказывая оренбургскому краеведу С. Н. Севастьянову о встрече с Пушкиным и об осмотре им дома, где жил Пугачев, говорила, что при Пушкине этот дом «стоял на Большой улице, на углу, на красной стороне... он был на шесть окон»³⁷. Таким же он был, видимо, и при Пугачеве, ибо сотник Т. Г. Мясников свидетельствовал на допросе, что Пугачев имел резиденцию в доме Ситникова, поскольку дом

⁶ 6 декабря — день Николы зимнего.

³⁷ В наши дни в бывшей Бердской слободе (ныне она вошла в г. Оренбург) живут многие из потомков пугачевцев, в том числе и потомки Константина Ситникова. Старший из них — Александр Васильевич Ситников (его брат, Петр, 1925 г. рождения, служил в Великую Отечественную войну в авиации стрелком-радистом, погиб в воздушном бою); у Александра два сына: старший — Петр, а младший, как и далекий его предок-пугачевец, носит имя Константина.

этот был «из лутчих» в слободе³⁸. Та же А. Т. Блинова говорила С. Н. Севастьянову, что в 1899 г. место, где стоял прежде дом Ситникова, уже принадлежало Михаилу Дмитриевичу Козлову³⁹. Казачий урядник М. Д. Козлов, родившийся в 1833 г.⁴⁰, мог приобрести этот дом уже в зрелых годах у кого-то из потомков Константина Ситникова, либо у внука Петра Карповича, либо у правнука Ионы Петровича. Точных данных, когда была совершена эта сделка, пока не найдено.

Во второй половине XIX в., вскоре после перехода дворовладения к М. Д. Козлову, он снес большой, но обветшавший за сотню лет дом Константина Ситникова и на его месте построил скромную избу в три окна по фасаду³. Внучка М. Д. Козлова Пелагея Львовна Стебнева сообщила в 1976 г. краеведу С. А. Попову, что наследники ее деда продали его дом бердским старожилам Смолиным⁴¹, которые и проживают в нем по сегодняшний день.

На окраине Оренбурга в поселке Берда на углу современных улиц Восстания (быв. Большой) и Салавата Юлаева (быв. Средней) рядом с историческим местом, где прежде стоял дом Константина Ситникова, высится белокирпичная стена с укрепленной на ней мемориальной доской с надписью: «На этом месте стоял дом, в котором с ноября 1773 г. по март 1774 г. жил вождь крестьянского восстания Емельян Пугачев»; ниже ее, у подножья стены, установлена пушка пугачевских времен.

Глава III

«ИМЕЛ Я БОЛЬШОЙ УСПЕХ...»

Возвратясь из путешествия по Оренбургскому краю, Пушкин 2 октября 1833 г. отправил из Болдина письмо к жене, в котором среди прочих впечатлений о поездке сообщал: «В деревне Берде, где Пугачев простоял 6 месяцев, имел я чье *bonne fortune* (большой успех — Р. О.) — пашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отста-

³⁸ Наша современница 90-летняя Евгения Степановна Бунтова, правнучка И. А. Бунтовой, собеседницы Пушкина, не помнит старого дома Ситниковых, но с детских лет хорошо знает стоявший на его месте дом Козловых.